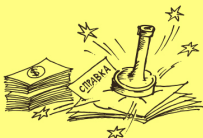
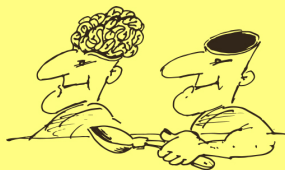
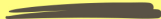

СЕРГЕЙ
ЕВСТРАТОВ

ПОМИНУХА В КУШМАРИИ

Сергей Федорович Евстратьев

Поминуха в Кушмарии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38616372

ISBN 978-5-00095-606-9

Аннотация

Уважаемый читатель, ты сегодня смеялся? Нет. Негодовал? Да! Тогда эта книга для тебя.

Doctor honoris causa, профессор и академик, экономист Сергей Евстратьев, доказав, что остроумие сильнее ума, если им пользоваться с умом, а современная экономика и юмор – синонимы, перешел на сторону литературы. Его ироничный и озорной взгляд оценены. Он удостоен премии «Золотой телёнок» Литературной газеты, звания лауреата Национального конкурса драматургов, Союзом писателей Республики Молдова дважды признан писателем-сатириком № 1. В 2017 г. за книгу «Сказки для взрослых» и в 2018 г. за книгу «Поминуха в Кушмарии», которая перед вами. Мы уверены, читая ее, вы будете смеяться и грустить, возмущаться и улыбаться. Что еще нужно хорошей книге?

Содержание

ПОМИНУХА В КУШМАРИИ	5
1. Необычайная просьба	7
2. «Чайка» Генерального секретаря	16
3. Черно-белый магазин	23
4. Квас закона	32
5. Виорика	46
6. Несмертный грех	57
7. Консенсус на трапезе	65
8. Фотосессия	74
9. Поминальный коллоквиум	78
10. Примэрочная	92
11. Что читал генеральный примар	106
12. Удивления	112
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Евстратьев С. Ф

Поминуха в Кушмарии

Патриотам Кушмарии посвящается

*Настоящая книга признана лучшей на Гала-премии
2018 Союза писателей Республики Молдова*

ПОМИНУХА В КУШМАРИИ

Сатирическая повесть

Жизнь – это и поминки не только по людям, которые их именуют поминуха, но и по деяниям – добрым и вредным, печальным и радующим, вдохновляющим и вызывающим негодование. По крайней мере, так заведено в стране Кушмария. Кстати, на ее севере «поминки» переводятся как праздник. Не будем философски осмысливать перевод. Попадание в рай будущего мира для некоторых праздник, как и для наследников – когда есть что получать. Мудр народ. Действительно, разве не будет праздником, если покинут этот мир взяточничество под ручку с коррупцией? Вслед за ними – несправедливость, бюрократизм и предательство власти, избранной людьми.

Сегодня читать не любят. А вдруг?.. И если помянут лицом многих персонажей, значит, первая цель автора достигнута. Главное, спасибо родной стране. Она создала людей и явления, описываемые в книге. Без нее роды не состоялись бы.

Точка зрения автора может не совпадать с позицией издательства, напечатавшего эту книгу и несущего ответственность за ее соответствие чему надо. Иные времена, иные нравы. И лошадей распродали до переправы.

Книга предназначена для укрепления и поднятия духа при падении курса национальной валюты. При появлении побочных эффектов обратитесь к сомелье, а пессимисты – в пивной бар.

В рекомендациях имеются противопоказания. Потому нужно проконсультироваться со специалистом – участковым полицейским, прежде чем передавать для чтения. Тогда книга попадет в хорошие руки.

1. Необычайная просьба

Почти любая сложная история начинается просто.

В молодой, но древней стране Кушмария, которую летописец называл краем, стоящим на пути всех бед, жители на климат не жаловались. Вот погода всегда кого-то не устраивала. Порой раздваивала. Дачникам нужен дождь, а мош Иону – сухая погода, жене еще плащ не купили. Нынешняя весна заикалась, птичий мир картавить не торопился. И все же зима спешила уйти. Подснежники выглянули из-под земли и с удивлением взирали на мир. Воодушевились мухи, считая себя птицами. Голуби и вороны повышали в звании офицеров полиции и таможенной службы. Дни удлинялись, юбки укорачивались. Стали одеваться деревья и раздеваться девушки, встречая весну во всеоружии. Они первыми почувствовали потеплевшие солнечные лучи и лишь мужественно поеживались от остатков зимних мгновений. На улицах количество ног уменьшалось, становилось все больше ножек. Началась весенняя течка: потекли ручьи. Мужские деньги

таяли быстрее снега.

Сегодня у Василия не было царя в голове. Начался Год Печуха. Сердце искало царицу, а душа – холодного квасу. Двадцатидевятилетний, слегка взлохмаченный, в лёгкой куртке, он стоял у калитки забора, окружавшего двор с двумя двухэтажными домами, и нажимал кнопку звонка. Прикрытая клеёнкой, она пряталась с тыльной стороны забора. Точное её нахождение знали лишь свои. Немудреная хитрость осталась от строителя домов – отца нынешней хозяйки Анны Георгиевны Сырбу. Для Василия, ближайшего друга её сына Дмитрия еще со школьных времен, калитка всегда открывалась.

Через пару минут на крыльце появилась седоватая женщина с добрым лицом, в домашнем фланелевом халате и кожаной, на меху, безрукавке, расписанной яркими пионами. Василий крикнул:

– Здравствуйте, Анна Георгиевна, жаждущего пустите? Ямочки на щеках заулыбались:

– Васику, как тебе не стыдно спрашивать? Ты же моя радость, как второй сынок, – Анна засеменила к калитке, открыла замок, парень вошёл, поцеловал хозяйке руку:

– Тётя Анна, чего весну пугаете? Глянь, как оделись.

– Ты ещё молод пенсионерку учить. Видно, вчера перечокался, раз с утра ко мне потянуло? Поиздевался над организмом, теперь он над тобой. Головушка, небось, болит?

– Нет, мешает. Вам, тётушка Анна, гаданием надо заняться-

ся. Половину клиентов у цыганок отнимите. Это уж точно.

– Не подлизывайся, и так угощу. Иди в беседку, – и Анна скрылась в доме.

Отец Анны, инженер-строитель Георгий Сырбу, из бывшего мощного государства приехал после войны помогать восстанавливать Кушмарию и Виноградск. Так назывались маленькая часть этой страны и ее столица. Женился на кушмарийке Марии, дочку назвали Анной. И определил: «Пусть её имя будет напоминать звук застывшего колокола. Церковь-то ещё разрушенная стоит». Его друг, Иосиф Шрайбман, как обычно, не обошелся без комментариев:

– Твоё решение, Георгий, правильное. Анна – доброе имя, в переводе с нашего языка – благодать.

Сам Георгий прожил еще недолго. Мария мужа любила, не перечила, но в обиходе называла дочку по-кушмарийски – Анишоара. Когда та бедокурила, брала ее за ухо и строго выговаривала: «Анишоара, ты красивая, а поступаешь некрасиво».

Аннушка выросла доброжелательной, с веселым носиком и с улыбающимися ямочками на щеках. Рано вышла замуж за Богдана, жившего по соседству. Первенца назвали в честь отца мужа. Поначалу жили с родителями Анны в одном доме, потом отец мужа помог им построить собственный. Обжить не успели, случилась трагедия: оба Дмитрия, дед и внук, погибли в автокатастрофе, а через месяц не пережил инфаркта отец Георгий. Вскоре от тоски умерла мать Анны.

Муж убедил Анну поступить учиться заочно в институт. Так она стала технологом пищевой промышленности и начала работать на заводе, где и трудилась до пенсии. Рожать боялась. Муж любил и надеялся. И наконец, в 35 лет, родила Митеньку – 2. Как только он затопал, отец отвез тезку к своей матери, в кушмарийскую деревню. Там тот и жил до школы. В городе окончил гимназию, а дальше учиться не захотел – пошел служить в армию. Демобилизовавшись, приехал к родителям, пожил у них две недели и уехал зарабатывать деньги на свадьбу. С тех пор Анна сына не видела. Получила лишь короткое письмо, в котором он писал, что завербовался на большой срок, организация закрытая, когда вернется, напишет. Похожее письмо получил и Василий, его друг, с припиской, чтобы тот взял шефство над матерью. Пришло и второе несчастье. Муж утонул на зимней рыбалке, провалившись под лед, спасая друга. С того дня Анна жила одна и тоскливо ждала сына.

...Хозяйка появилась с керамическим кувшином и кружкой, украшенными пионами. Это были её любимые цветы. Мама ей рассказывала, что отец, когда женихался, всегда приходил с пионами. Василий подскочил, взял кувшин. Анна не удержалась:

– После медового месяца женушке внимания столько же выкажешь, али нет?

Она часто ездила с мужем к его родителям. Те жили по другую сторону реки, где чаще говорили на русском языке.

Ей полюбились некоторые русские слова, и по возвращении часто их употребляла.

Взяв у Василия кувшин, Анна налила кружку кваса и протянула жаждущему:

– Пей, страдалец!

Василий, не отрываясь, её опорожнил и попросил вторую.

Анна налила, погладила Василия по голове, вздохнула:

– Когда я поглажу своего Митеньку?

– Погладите, тётя Анна, погладите, это уж точно. А вы знаете, я слов впустую не бросаю.

– Поскорее бы, – и Анна присела на скамью.

– Ваш квас, тётя Анна, уж точно подтверждает: в жизни есть и приятные моменты.

Квасница ещё раз погладила друга сына.

– На здоровье, Васику! Квас делать меня научила маманя.

Из ржанных корочек, на вишнёвых листочках, на побегах хрена настаиваю, водица только из колодца. Для легких полезен и дурь прогоняет:

– Это уж точно, – повертел головой Василий, – что-то я не вижу вашего любимца Кагора. Побегал к рыжехвостой?

– Чаше она сама прибегает, услышит стук миски, сразу появляется. Приблизится, если миска пустая, два раза гавкнет и убежит. А если в миске что-то есть, зарычит на Кагора и давай над миской хозяйничать. Кагор молча ждёт. Рыжехвостая начавкается, водички попьёт – и в свой двор. Кагор за ней.

Квас Василия подлечил. Допив кружку, он закурил и продолжил тему:

– Получается, соседка специально плохо кормит свою собаку от жадности или для злости.

– Я однажды ей сказала об этом, она не согласилась, рассердилась... на неделю не больше, но как плацинды печь начинаю – тут как тут, с вопросом: «Может, помочь чего, соседushка?». И пока штук пять не съест со сметаной, не уходит. Оботрёт губы: «Спасибо, соседushка, и не думала, что наемся плацинд у тебя. Сама хотела готовить вечером, но ты опередила. В следующий раз напеку и приглашу.»

– И как часто приглашала?

– Ни разу.

– Забор у вас низкий, это уж точно. Не зря англичане говорят, чем выше забор, тем лучше сосед.

– Инглиш не знаю, я парле ву франсе. С высоким забором как-то не по-людски. Получается, сам себе сосед или боишься чего?

– Уж больно вы открытая, тётя Анна, не то время сейчас. Так где же Кагор? Обычно, когда я прихожу, всегда выбегает, вокруг вертится, ласкается.

– Не мучай вопросами старую, выпей кваску. Спрашиваешь, где Кагор? Стыдно стало воришке, утащил сосиску и убежал под защиту Европейского союза. Ты же ему на будку флажок прикрепил.

– Это уж точно. Он объявил независимость в односторон-

нем порядке.

– Пока сытый. Проголодается – сразу забудет про независимость, прибежит просить прощения в одностороннем порядке. Василий риторике специально не обучался – учеба на экономическом факультете университета ограничилась двумя лекциями. Но, видно, при рождении, как говорят, Создатель поцеловал его в уста. Предрасположенность к риторике у него обнаружилась ещё в яслях: он кричал дольше других. Ровно до тех пор, пока согоршочки не замолкали, не выдержав конкуренции. Потом помогала окружающая среда. Южные люди, как известно, слова не экономят:

– Независимости каждому хочется, – продолжил он разговор, – это уж точно. Потому и свой дом на земле столь желанен. Только требует много денег и времени для нормального содержания.

– Времени у меня теперь много, денег бы столько же.

– Так продайте дома. Я первым покупателем буду, деньгами не обижу. Для вашего житья квартиру подходящую подберём, со всеми удобствами, цветным телевизором и спутниковой антенной.

– Не могу, Васику, – запечалилась Анна. – Ты за домом качели видел?

– Угу, я даже один раз, после, – и он щёлкнул по горлу, – на них шишку набил.

– Ты шутишь, – заметила Анна, – а Митя, уезжая, наказывал: «Береги, мама, качели, вернись, станешь на них внуков

качать, чтобы руки отдыхали, а душа радовалась».

Васику спорить не стал:

– Сына ждать – святое дело. Сколько времени прошло?

– Десять лет и два месяца, во вторник будет.

Широко открытые светло-карие глаза Анны, обычно дарившие добро, становились строгими при деловом или неприятном разговоре и печальными со слезинкой, когда спрашивали о сыне.

Василий поставил кружку, поцеловал Анне руку:

– Чем-то вы ещё озабочены, тётушка Анна? Анна оглянулась:

– Гроб нужен.

– Какие проблемы? Похоронных контор нынче больше, чем покойников. Только скажите, какой гроб желаете. Для вас – любой будет. Ой, извините, тётушка, для вашего дела, конечно. Хоть из красного дерева, хоть – перламутровый.

Анна озабоченно развела руками:

– Новый гроб дорого стоит, а б/у у них нет, напрокат не дают, а мне нужен только на один раз.

Обычно находчивый Василий пришёл в замешательство:

– Не понял... Извините, тётя Анна, но гроб, как презерватив, на один раз и нужен. Уж простите за такое сравнение.

Анна поглядела по сторонам:

– То-то и оно, тут непростое дело, – наклонившись к Василию, она долго что-то на ухо шептала.

Названный сын изменился в лице:

– Ну, вы даёте, тётя Анна! Раз так – будет вам гроб с крышкой. Это уж точно, готовьтесь. Ой, простите.

Анна махнула рукой, отгоняя, как лишнее, извинения Василия:

– Вот спасибо, Васику! До гроба доброту твою не забуду.

– Сплюньте, тётушка Анна. Назначайте мероприятие, – и оратор-филантроп стремительно покинул двор, на ходу разговаривая по мобильнику. Анна вослед его перекрестила кружкой и направилась к дому.

2. «Чайка» Генерального секретаря

Первый шаг начинающего предпринимателя требует прежде всего ускоренной сообразительности.

Василий наследства не получил. Пришлось становиться предпринимателем в первом поколении. Когда в Кушмарии развитой социализм начал сдавать свои полномочия вылупливающемуся из него капитализму, молодой экономист наяву увидел воплощение в жизнь классической формулы Д-Т-Д. У него не было ни денег, ни товара – одни желания. Мозг сверлила французская поговорка: «Хотеть – значит, мочь». Закончив университет с почти красным дипломом – для чистого цвета не хватило одной пятерки, – Василий отработывал за бесплатное образование обязательные два года на государственном предприятии. Находилось оно в пятнадцати километрах от столицы и называлось винзавод. Здесь он научился культурно пить и заимел первые связи в деловом и чиновничье-руководящем мире. Его представители, не желая светиться в ресторанах, часто приезжали на неофици-

альную дегустацию для установления и укрепления связей с нужными людьми. Когда началась боновая приватизация, новые кушмарийцы предложили ему работу в первом Приватизационно-инвестиционном фонде.

В служебные функции Василия входила подготовка документов для преобразования бывшего государственного предприятия в новую организационно-правовую форму – акционерное общество с частными собственниками. Теперь он приехал в тихий симпатичный городок с птичьим названием Сороки. Контрольный пакет акций крупной автобазы на аукционе купил Фонд. Пока еще действующий директор прекрасно понимал значение рекомендаций приехавшего представителя главного хозяина в своей будущей служебной судьбе, посему выказывал ему особую учтивость. Василий вел себя сдержанно, вежливо:

– Как себя чувствуете, господин директор? Бывший шеф пожал плечами:

– Раньше себя не чувствовал, и было прекрасно, а сейчас... – и махнул рукой.

При осмотре территории попался на глаза старый автомобиль Чайка. Серо-зеленые глаза Василия редко оставались одинаковыми. Цвета боролись, соотношение их менялось. Постоянным оставался лишь ищущий взгляд. Хотя суетливым и бегающим не выглядел. Тут взгляд загорелся. Василий подошел к автомобилю ближе, потрогал фары, остановился. Сопровождавший директор прокомментировал:

– Осталось одно название от суперавтомобиля, да и только. Уж больно дряхлый. Даром никому не нужен. Одни воспоминания, что на нем выезжало высшее руководство, местное и приезжее. Наш первый секретарь райкома партии považничал немного, пофорсил. Потом началась экономия. Машина бензина столько жрала, что ой-ой-ой. Первый пересел на волгу и сказал:

«Пусть ждет лучших времен». А до него, говорят в столице, она возила самого первого в республике партийного секретаря.

Винзавод приземлил Василия. Он задумался, потом лениво изрек:

– Да, господин директор, вы правы, надо от нее избавиться, – и они пошли досматривать предприятие.

На оформление документов потребовалось три дня. Василий обнадежил немолодого директора, что будет рекомендовать своему руководству оставить его в той же должности в создаваемом АО. Просматривая перечень изношенного имущества и обнаружив «нелетающую птичку», обратился к директору:

– Продайте ее мне по остаточной стоимости. Подарю деду. Он у меня бывший партработник, пускай ностальгирует.
– Ясно, – сказал директор и ушел. Минут через двадцать вернулся.

– Она же полностью списана, забирайте так, порадуите деда.

– Спасибо! Но чтобы не упрекали в использовании служебного положения, оформите, как я просил. Все документы на машину – акт о первоначальной приемке, техпаспорта со дня поступления в колонну – приложите, включая приказ о назначении водителя. Повторяю: приложите все бумаги, абсолютно все бумаги, связанные с использованием чайки.

– Хорошо, сейчас же поручу и лично проверю.

– Ладненько, я пока проект кадрового приказа подготовлю. На финише рабочего дня доброжелательному экономисту вручили папку с подколотыми бумагами. Просмотрев ее, Василий остался доволен:

– Значит, по стоимости металлолома продаете? Правильное решение. Если какие-нибудь бумаги еще понадобятся, надеюсь, не задержите, – и показал проект обещанного приказа со своей визой.

Спасибо, – скромно поблагодарил директор и сделал два шага к двери, вдруг вспомнив любимое выражение главного бухгалтера: «Уходя – угоди», остановился:

– Наш эвакуатор отвезет, назовите адрес.

Через два дня чайка «приземлилась» во дворе деда. Мош Тудор несколько раз обошел «птичку», постучал по капоту, пнул колесо, осмотрел выхлопную трубу:

– Самец, однако, как сказал бы чукча. Зачем тебе дохлятина?

– Дедуля, это раритет. Я на нем сделаю деньги и, успокойся, деньги чистые. Родину не продам.

Мош Тудор усмехнулся:

– Если так, хорошо, Родина одна. Не случайно на тебе и на мне родинки ниже левого уха. Ладно, пока деньги сделаешь, пойдем угощу тебя каберне, новую бочку открыл.

Выходные Василий провел на даче. Оккупировал беседку, выложил на стол из папки бумаги – изучал внимательно и писал новые. В понедельник, позвонив в офис и предупредив о своем отсутствии, просидел весь день в главной публичной библиотеке страны, просматривая германские газеты в поисках объявлений коллекционеров, призвав на помощь свой средний немецкий. Наконец нашел заметку, в которой сообщалось, что герр Рюкауф из Любека, ФРГ, коллекционирует вещи бывших лидеров больших государств. На фото он был изображен оседлавшим купленный за 85 тысяч долларов мотоцикл, на котором ездил в молодости президент Франции генерал де Голль. Василий отправил в мэрию Любека письмо, в котором просил передать уважаемому герру Рюкауфу свое письмо с предложением купить автомобиль, возивший Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева. Ответ пришел через две недели. Господина Василия просили документально подтвердить достоверность того, что авто действительно постоянно, а не в разовых поездках, обслуживало господина Брежнева, и назвать цену продажи. Через пять дней Василий послал в адрес герра Рюкауфа небольшую бандероль. В ней было фото Л. Брежнева, выходящего из Чайки, на которой виден номер машины и здание ЦК Ком-

партии Кушмарии, постановления Пленумов ЦК об избрании и освобождении от должности Первого секретаря, копии актов о приемке автомобиля Управлением делами Центрального Комитета Компартии Кушмарии и передаче автомобильному комитету партии. Приказы о назначении, поощрении и увольнении водителей. В ответном письме немецкая сторона попросила документы о постановке на учет в ГАИ. Через неделю Василий отправил письмо с дополнительными документами и приписку, что господин Брежнев в рейтинге мировых политиков не стоит ниже г-на де Голля. Его автомобиль по величине не меньше мотоцикла, на котором ездил генерал де Голль. Потому и цена должна быть на 10 процентов больше. Вскоре Василию позвонил начальнику отдела рекламы АО Судзукер, главного акционера крупнейшего производителя сахара в Кушмарии, и сказал, что ему поручено завершить сделку. Через два дня он встретился с Василием, съездил с ним в Сороки. Посмотрел автомобиль.

Чайка снова находилась в автоколонне. Сделал снимки, побеседовал с последним водителем-пенсионером. Сказал Василию, что сообщит в Германию, и при благоприятном исходе дела найдет его для завершения сделки. Через декаду сладкий представитель пригласил Василия на беседу и сообщил, что с его пожеланиями согласны, но оплата будет в течение года. А если не тянуть с расчетом, то 10 % с суммы нужно снять.

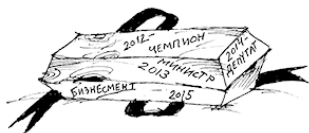
Василий взял тайм-аут на раздумье. Вышел во двор офи-

са. Хмурило. Гроыхнуло. Капризной молнии надоело одиночество и она вышла замуж за громоотвод. Сразу пошел дождь.

– Это знак, – подумал Василий и вернулся в офис, – готовы деньги без 10 процентов.

К концу месяца договор подписали. Василий получил 85 тысяч долларов. Для начинающего предпринимателя первая буква формулы движения капитала потеряла девственность, ждала вторая.

3. Черно-белый магазин

Плана, как взять напрокат гроб, у Василия не было, но он помнил слова великого француза: сначала надо ввязаться в драку, она подскажет решение. И Василий поехал в лучший магазин. Вывеска успокаивала: «Бюро добрых ритуальных услуг». Фасад магазина, одетого в чёрную мраморную плитку, печалил, зато интерьер умиротворял белизной и воодушевлял лозунгами-афоризмами. Их придумала жена хозяина, психотерапевт по образованию и жизнерадостная по требованию времени. Встречавший посетителей плакат сразу внушал оптимизм: «Все там будем. Радуйтесь, что покупаете Вы, а не Вам».

У стола оформления заказов две таблички продолжали бодрить. Одна призывала: «Мы с вами до гроба, смелей! Уважьте ближнего», вторая уточняла: «Все работы выполняются в порядке живой очереди, за исключением детей дошкольного возраста».

Директор магазина, он же его собственник, бывший кон-

ферансье на правительственных концертах, внешне выглядел в соответствии с выбранным стилем: чёрный костюм, белый галстук. Немигающий взгляд гипнотизировал вошедшего и напоминал о вечности. Две небольшие залысины на черно-седой голове смотрели строго. Под стать директору сохраняла стиль и секретарь в приёмной – в чёрной блузке с белым кантом. Василий подошёл к охраннику, стоявшему у дверей, на которой табличка ограничивала: «Вход посторонним воспрещен», наполовину вытянув из наружного кармана красное удостоверение, коротко бросил: «Проверка», – и вошёл в кабинет.

Директор, говоривший по телефону и раздосадованный внезапным вторжением, тем не менее указал на стул, а в трубку произнёс:

– У меня важный посетитель, я перезвоню.

Важный посетитель вежливо протянул хозяину кабинета визитную карточку. Тот, посмотрев на вручившего, её озвучил:

– Магистр маркетинга, дипломы Сорбонны и Сингапура, – повертел визитку. – Мы вряд ли нуждаемся в маркетинговых услугах. У нас всё продается без задержки, согласно пропорций, а кризис только увеличивает спрос.

– Не спешите, – магистр начал наступление, – в стране возросла смертность. Видимо, потому, что повысилось качество ритуальных услуг. Здесь, безусловно, и ваша заслуга. Но я могу помочь расширить круг ваших клиентов, уменьшить

себестоимость затрат независимо от времени года и погоды, учитывая ваш призыв, – Василий показал на табличку, висевшую на стене за спиной директора. Табличка предупреждала:

«Не рой другому яму, для этого есть наше бюро».

Чёрно-белый шеф удивлённо взглянул на бесцеремонного посетителя, еще раз прочитав визитку:

– Что может быть нового в вечном бизнесе? Продажу определяет спрос, и не мы создаем его, а Он, – директор показал пальцем наверх.

Идея в голове Василия начала шевелиться. Требовалась пауза. Василий встал, подошел к окну, затем к двери, открыл её и указал охраннику:

– Как я сказал, никого не пускать, – закрыл дверь, посмотрел по сторонам, заглянул в шкаф, подошёл вплотную к директору и многозначительно, тихо начал охмурять директора:

– Ассортимент и качество ритуальных услуг должны опережать рост смертности, а не тянуться в хвосте. У меня ноу-хау! Только гроб Господень не требует совершенства, – и, сделав короткую паузу, решительно закончил: начните сдавать гробы напрокат, как свадебные платья.

Директор повертел головой. Возникло ощущение, что залысины задвигались и приблизились друг к другу:

– Такого в мировой практике ещё не замечалось, – прошептал директор.

- Верно, и в этом моё ноу-хау. Вам первому предлагаю.
- Но кто возьмёт гроб, если в нём уже лежал покойник?
- Смотря какой. Давайте взглянем на проблему шире.

Прежде всего – со стороны живых, еще живых, но уже тщеславных клиентов. Смерть дается человеку только один раз, и похоронить нужно так, чтобы родственникам не было мучительно стыдно и не жёг позор за скупость и недостаточное внимание к ушедшему. Допустим, в гробу ранее лежал депутат, министр, чемпион и подобные VIP-персоны. Кто откажется, чтобы ваш близкий не уступал им хотя бы на окраине жизни? А уже в земле, как и в автомобильной пробке, все равны. На гроб, который все будут лицезреть на первой стадии прощания, прикрепляется позолоченная табличка с выгравированными именами уже лежавших ранее VIP-персон. Подобно тому, как на футбольном переходящем кубке чеканят имена победителей по годам его вручения. Родственники и друзья будут считать, что покойник из той же когорты и отбыл в мир иной бизнес-классом. Известно, в науке и в политике величина авторитета определяется количеством ссылок и упоминаний о нем. В нашем случае аналогично. К тому же, вы заранее получите согласие и сможете получать оплату за два гроба с одного клиента. Первый гроб будет временный, но VIP-овский. Вы его не продаете, а сдаете в аренду. От таких мыслей многие неудачники сами захотят лечь пораньше в такой гроб. Сделать фото и повесить его дома на стену, как диплом или почетную грамоту.

Залысины недоуменно посмотрели друг на друга:

– Но о подобном даже думать кощунственно, вы не считаете?

– Отнюдь, вот живой пример. На Синае, в монастыре Святой Екатерины, из-за нехватки территории монахи хоронят своих собратьев лишь на три года. Потом изымают останки и складывают их в реликварий, помещение, где отдельно лежат черепа и другие части тела. Также поступают и на Афоне, где к черепу прикладывают бирку с надписью, кому тот принадлежал.

Ораторский пыл магистра не ослаб, ему самому стала нравиться экспромтная придумка:

– Душа всё равно уйдёт – в рай или в ад, а бречное тело истлеет.

Директор несколько раз потянул за мочку левого уха и блеснул эрудицией:

– Китайская религия не обещает загробной жизни, а китайцев уже почти полтора миллиарда, и не учитывать позицию самой большой нации на планете не демократично.

– Во-первых, китайцы от нас далеко и не входят в число клиентов. Во-вторых, если бы большинство всегда было право, то солнце до сих пор вращалось бы демократично вокруг Земли, – не потерял равновесия воинственный магистр.

– Вы же гроб заберёте, а куда девать покойника?

Василий, уловив, что директор теряет сопротивление, усилил натиск:

– Вы говорите, куда? Я уже отмечал, будет обычный, простой гроб. Делается рокировка после первой стадии прощания. И давайте вспомним. Основатели христианства считают, что хоронить в гробу противостоит природе: человек из праха вышел и в прах превратился. У древних греков хоронили кости, а прах – в урны. Как поступают на Афоне, я уже сказал. В Румынии, в монастыре Нямцу, в монастырской усыпальнице хранится череп Калипсо. Той самой, которая, по преданию, была возлюбленной Байрона, затем Пушкина. У россиян самым почётным считается захоронение праха на Красной площади, у Кремлёвской стены. Лишь первые годы там хоронили тела, потом урны с прахом. В США, где высшая посмертная честь – захоронение на Арлингтонском национальном кладбище, также используют урны. Сжигание покойников имеет историческую первооснову. Верующие евреи и сейчас хоронят без гроба. Доски по бокам и крышка сверху. Мусульмане хоронят в саване. Надо создавать новую традицию. Полежал в VIP-гробу – хватит. Дай другим. Переходи в другой гроб, а на нем отмечать, с кем в предыдущем гробу лежал. Пословица «Я тебя в гробу видел» видоизменится и зазвучит: «Он с ним в гробу лежал». Супруги, обвинявшие друг друга в неверности, помирятся, что скрепится эпитафией:

*Они лежат в могиле оба,
Мой друг с супругою своей,*

*Он не был верен ей до гроба,
Теперь в гробу он верен ей.*

Таким образом, как говорят мои коллеги-юристы, появятся вновь открывшиеся обстоятельства.

Директор встал, походил по кабинету, погладил залысины, снова сел за стол:

– Серьёзный проект, весьма ответственный. Нужно посоветоваться с компаньонами, всё взвесить.

– Вы же понимаете, господин директор, кредит Мирового банка или Международного валютного фонда не понадобится. Так же, как и решение парламента и промульгация президента. Запроса в Конституционный суд ждать нечего. Конституция не нарушается. Извините, напомню: на рынке выигрывает тот, кто первым подходит к прилавку. В нашем случае – к гробу, чтобы самому в нем раньше других не оказаться. Коллективным, равно как и постоянным клиентам введем систему скидок, откроем абонементы.

Директор скептически улыбнулся, глубоко вдохнул, выдохнул, залысины остановились, махнул кистью правой руки:

– Ладно, попробуем!

Василий стремительно встал:

– Так, где я беру гроб?

Директор перешёл на деловой тон:

– На первый раз, за аренду на один день, возьмём пятьде-

сят процентов от стоимости гроба.

Василий на базаре бывал частенько:

– А где скидка на почин? Директор не удивился:

– Сорок процентов. Василий усмехнулся:

– Пять.

– Тридцать пять.

– Я не меняю рифму, – продолжал улыбаться Василий, – пять.

– А я цифру.

Директор давно не торговался. Он работал по твердым расценкам, но приемами торга владел по наследству, от своего папы, базарного ветерана.

Василий взглянул на директора:

– Только потому, что это первая сделка с вами, из персонального уважения к маэстро похоронного искусства. Пятнадцать, – Василий поклонился:

Маэстро похоронного искусства ответил тем же:

– Я ценю вас в два раза выше – тридцать. Василий вздохнул:

– Чтобы не думать о вас плохо – девятнадцать. Моральное предупреждение подействовало:

– Двадцать пять, – тоскливо выдавил директор. Василий продолжил:

– А чтобы взять?

– Не вашим, не нашим: двадцать три.

– Хорошая цифра, но 22 красивее. Верну в девической

целости, — и после паузы добавил, — в дорыночном понимании. У нас же будет дружба до гроба, не так ли?

Директор посмотрел в зеркало возле шкафа, лысинки не двигались, помолчал и пожал протянутую руку.

4. Квас закона

Мужчины, даже эгоисты, время от времени объединяются. Их зовут инстинкты и позывы, подталкивают стремление к власти, честолюбие и женщины. В противоборстве с ними и с общественной стихией возникают объединения – обязательные и добровольные, формальные и не очень, зарегистрированные и не совсем, постоянные и временные, отстаивающие профессиональные интересы и защищающие сугубо личностные простые желания, творческие и спортивные. Принцип современного демократического централизма: «Каждый против, а вместе – за» – не устаревает. Особенно когда «за» против кого-то. Объединение – живой организм. Если страсти в нем долго кипят, он испаряется.

Квасное объединение во дворе Анны сложилось естественным путем. В одну из суббот двое покупателей, прокурор и таксист, пришли одновременно. Анна налила им по кружечке квасу для пробы. Квасолюбы, дегустируя, начали

обмениваться футбольными и предвыборными прогнозами. Анна предложила пройти в беседку и там утвердить будущие результаты. В следующий раз прогнозисты снова пришли одновременно, но уже парами: один из них – с соседом-грибником, второй – с сушёной воблой. Анна сразу принесла в беседку кувшин квасу и кружки:

– Самый свеженький, остывший, угощайтесь. Под него и говорить приятней.

Однажды после прокурора появился медовоголосый адвокат с бородкой. Взяв у Анны кружку, направился к беседке.

– Нападающего вижу, значит, требуется защитник. Прежде чем судить – нужно обсудить. Согласен, ты сейчас квас закона? Адвокат законную силу прокурора признавал, однако посмеивался: «Посредственный, – и после паузы добавлял: – живет по средствам.»

Прокурор указал адвокату на скамейку:

– Садись, рупор нарушителей. Выскажи лучше мнение о шансах нашей сборной в завтрашнем матче?

Так стало складываться квасное содружество. Постоянной численности не было, устава не утверждали, руководящие органы не избирали, членские взносы не собирали, протоколов не вели. Пытались внедрить традиционную бутылку. Мол, как же без неё?

– Я в молодости играл Гамлета, – с апломбом заявил адвокат, – потому подтверждаю: да, принц спрашивал: «Быть или не быть?», но вопрос: «Пить или не пить?» – не ставил.

Такого вопроса не существует – сходите в народ и спросите. Другое дело, резко бросать пить нельзя. Иначе окклюзия.

Изяслав, экономист по образованию, снабженец по призванию с партийной кличкой Изюнчик-везунчик, сразу включился:

– Да и тосты нужны. Они людей сплачивают, придадут направление нашему квасному движению. Не случайно, когда я бываю в Израиле, мой мудрый тесть поднимает рюмку со словами: «Выпьем за дружбу народов между евреями».

– Ну ты загнул! – возмутился статистик Алексей, пивший только теплый квас.

Изяслав не смутился:

– Нисколько. Все люди – евреи, просто не все об этом знают, а многие – не признаются.

Статистик не успокоился:

– Ты еще добавь, что отдельные народы восприняли еврейские привычки. Так индусы умело разговаривают руками и в изображении бога Шивы это отразили, а Брахман и его коллеги стали высшей кастой.

Изяслав гордо посмотрел вокруг:

– Вы слышите? Опять евреи! Но я об ином. Квас квасом, но нельзя игнорировать другой напиток. Семь американских молекулярных генетиков однажды сообразили на семерых, именно столько авторов обосновали, что человека из обезьяны сделал не труд, а алкоголь. Уже пять тысяч лет назад большая часть урожая в Древнем Египте шла на приго-

товление вина. О чем свидетельствуют литературные, археологические данные. И даже разведывательные, так как срок нераскрытия закончился. Однако осваивать спиртное начала десять миллионов лет тому назад обезьяна. Спустившись с дерева, есть-то хотелось, она наткнулась на гниющие упавшие фрукты. В них уже появился от брожения спирт. Поев таких плодов, обезьяна с друзьями и подругами начинали пьянеть. С тех пор стали смелее ходить на двух ногах в поисках фруктов. Сидеть на дереве трезвыми становилось неинтересно. Жизнь приобрела динамику. Потом древние греки доказали, а латиняне записали: *In vino veritas*.

Но Анна сразу искателя истины отрезвила:

– Только не у меня!

Диспут прекратился. Женское начало победило. Обошлись без рюмки, хотя ни музыка, ни женщины её не заметили.

Адвокат назвал квасное посещение днём очищения. Ибо не было рядом ни жен, ни начальства, ни клиентов, ни прессы, ни соблазнителя алкоголя. Никто не просил, кодекс поведения был прост. Все удовлетворялись беседой. Хочешь – говори, не можешь – слушай. Вопросы задавай смело, ответы слушай до конца. Квасники не уподоблялись пикейным жилетам из Черноморска. Не выясняли: кто голова? Только комментировали и прогнозировали. То, что в большинстве случаев их предсказания не сбывались, никого не смущало – к тому времени у автора уже созрел следующий прогноз,

и он забывал о старом. Наибольшая явка наблюдалась в субботу, когда семьи обычно обедают в полном составе и для любимой окрошки или замы требуется квас. Первые клиенты появлялись обычно после десяти утра.

На этот раз всех опередил Василий. Он привёз гроб вишнёвого цвета с блестками. Крышку поставили возле дверей. Гроб занесли в дом. Василий за крышку гроба положил продолговатую спортивную сумку и вручил вышедшей Анне корзинку цветов:

– Как видите, тётя Анна, всё идёт по плану. У вас и гроб, и цветы.

Радостная будущая покойница поцеловала в щёчку Василия:

– Давно мне цветов не дарили, спасибо.

Довольный Васику не смог удержаться от поучений:

– Ну вы даёте, тётя Анна, это уж точно. Цветы не вам, а покойнику в гроб. Ладно, я за выпивкой.

Анна потупилась:

– Не серчай на старую. Шампанское не забудь. Василий замахал руками:

– Какое шампанское? У нас же поминки, а не праздничный обед. Шампанское выпьем, когда Митька вернётся.

И разгоряченный Василий ушёл.

Анна поставила у крышки гроба корзинку цветов, всплакнула. Стала мечтать о том, как вернётся её вихрастый Митенька, привезет невестку. Потом внук или внучка будет её

за подол дёргать и просить коржик. Анна заулыбалась. Такой и увидел её первый завсегдатай клуба.

По велению природы улыбка изначально призвана вызывать у собеседников ответную. Не случайно угол падения равен углу отражения. В юридическом мире города появление в рабочее время подобия улыбки на лице Георгия Васильевича символизировало одно: суд принял сторону прокурора – и обвиняемый получил максимальную меру наказания. Другие причины не рассматривались. Георгий Васильевич искренне недоумевал: «Какое веселье, когда кругом преступность?!» Но сегодня была суббота, любимый квасной день, можно и расслабиться. У него даже изменилась обычно строгая, неуступчивая походка. Он ступал мягко.

Прокурор любил напоминать «Закон – дело святое», и в душе уверовал, что Создатель всех видит, а к некоторым присматривается. Черт это знает и ведет за ними особое наблюдение, желая переманить в свой лагерь. Из драгоценностей у прокурора были лишь золотое правило – «закон – основа всего», и бриллиантовая жена, не мешавшая его соблюдать. Прокурор оставался всегда верен закону, а также жене, вопреки природе мужчины:

– Добрый день, Анна Георгиевна, – улыбнулся законник, – у тебя день рождения, может даже юбилей? Какие красивые цветы тебе подарили.

Анна продолжала улыбаться:

– Здравствуйте, Георгий Васильевич. Юбилеи бывают у

начальников да знатных людей, а эти цветы на поминки.

Анна взяла у прокурора целлофановый пакет. Прокурор посмотрел по сторонам, увидел крышку гроба, венок:

– У тебя горе?

Анна вызволила трехлитровую банку из пакета:

– Вам какой квас: для окрошки, замы или пить?

Георгий Васильевич, привыкший добиваться ответа на свои вопросы, начал допрашивать Анну:

– Кто-то умер?

– Никто. Так какого квасу?

– Оставь квас. Любого. Какого рожна здесь гроб? Зачем он? Анна искренне удивилась:

– Отпевать без гроба как? Поминки не признают. Георгий Васильевич снял шляпу:

– Ничего не понимаю. Никто не умер. Тогда какие поминки и кого отпевать?

Улыбка Анны погасла:

– Меня отпевать будут.

– Но ты же живая!

– Не имеет значения.

Георгий Васильевич надел шляпу:

– Анна, объясни толком!

Допрос утомил Анну, и она направилась к беседке. Села на скамью возле столика. Обмахнула тряпкой другую скамью, пригласила дознавателя:

– Присаживайтесь. Вы знаете, все мои родные – на том

свете. Царствие им небесное! – Анна перекрестилась и продолжила. – У меня из близких родственников, кроме Митеньки, никого нет, а где он? Когда появится? Не знаю. Чувствую себя все хуже и хуже. Никому старая квасница не нужна. Поминки будет справить некому, а уйти хочется по-людски. Я и решила сама себе устроить поминки. Может, доброе слово услышу на прощание. Пускай и не от родных. Всё на том свете веселее будет. Как семь человек соберутся, сядем за стол.

– Анна, кто надоумил? Скажи, привлеку к ответственности. Законопослушные люди так не делают. Твой поступок – как самоубийство. На тебе крест, спроси в церкви, скажут: самоубийство – грех перед Богом.

Анна насупилась:

– Батюшку Николая пригласила, придет – спрошу. Голубцев я наделала, маслины купила. Соседки уже в доме. Почин – дело дорогое. Да и Васику постоянно говорит: кто первым к прилавку подходит, тот и выигрывает. Вы первый пришли.

Прокурор насторожился:

– К какому прилавку? Ты на что намекаешь? Анна опешила:

– Господь с вами, Георгий Васильевич! Просто присказка к слову пришлась. Извините. Вы уже сколько лет мой постоянный покупатель. Я вас глубоко почитаю. Уважьте старую.

Прокурор смягчился:

– Уже пятый год пошел моего квасного хождения. Скажу

честно, бывает настроение паршивое, с женой поцарапаемся, дети, – законник махнул рукой, – с маленькими заботы, с большими проблемы. А пару тарелок крошки из твоего кваса да с хлебушком домашним покушаешь – оживаешь. Не понимаю, почему ты такого кваса не делала, когда на заводе цехом управляла?

Анна успокоилась, поправила на голове платок, одернула безрукавку:

– Квасок, что вам нравится, души и размеренности требует. На заводе что главным было? План и победа в социалистическом соревновании, как сейчас – прибыль и задавить конкурента.

Георгий Васильевич кашлянул:

– Таковы законы бытия. Моя воля, присвоил бы тебе, Анна Георгиевна, звание «Заслуженной квасницы страны» и персональную надбавку к пенсии дал.

Между тем в приоткрытой калитке замаячила кокетливая бородка адвоката. Заметив в беседке хозяйку с прокурором, она направилась к ним. Сидевшие спиной к калитке бородку не видели. Та стояла и слушала. Анна всерьез слов прокурора не приняла, хотя они были ей приятны:

– Совсем вы меня захвалили, Георгий Васильевич!

Долгое молчание не соответствовало нраву бородки, и она вклинилась:

– Как раз нет, уважаемая Анна Георгиевна, во-первых, здравствуйте, во-вторых, вы настоящий маэстро кваса. Без

вашего кваса борща «как у мамы дома» – не сварить! Прокурор прав, начну в парламенте инициировать учреждение нового почетного звания «Народный умелец», с вручением ордена трех степеней. Буду ходатайствовать о награждении вас первой.

В состязании сторон на судебном процессе Георгий Васильевич редко уступал. Не мог он допустить и сейчас, чтобы адвокат перехватил инициативу:

– Ты, коллега, уж больно разговорился. Но, в принципе, твой подход правомочен, посему сэкономь красноречие для поминок.

Волосатый подбородок приподнялся. Петр Петрович посмотрел по сторонам, заметил крышку гроба, показал пальцем:

– Для них?

Анна кивнула:

– Проходите, садитесь.

Петр Петрович из-за профессиональной симпатии к прокурору не удержался, кивнул на него, процедил:

– Сажает он и в другое место. Прокурор восторгнулся:

– Сразу виден в нынешнем депутате бывший адвокат. Любишь передергивать. Посадить человека, – он изобразил пальцами решетку, – прерогатива суда.

– Но инициатива твоя.

– Не нарушай – инициативы не будет. Проходи, щит преступников.

В молодости у адвоката-депутата было одно неослабевающее желание – стать членом партии, единственной, но правящей, и большим прокурором. Учась в университете, на открытое партийное собрание он приходил первым. Всегда спрашивал, по какому вопросу он, беспартийный, имеет право голосовать. Довольный секретарь отвечал:

– Не волнуйся, все будет единогласно.

На демонстрациях ему доверяли нести портреты членов Политбюро. Но однажды будущий юрист явно оступился. Партийный секретарь доложил на общем собрании:

– Вчера состоялись выборы. Я всех поздравляю, победил блок коммунистов и беспартийных набрав 99,9 %!

Петр, не мудрствуя лукаво, как всегда прогнулся:

– А кого он победил?

От исключения из университета за идеологическую провокацию партийный секретарь его спас. Однако Петя не остановился и свою позицию усилил, когда на консультации перед сдачей госэкзамена по научному коммунизму поинтересовался:

– Раз есть научный коммунизм, значит есть и другой. В чем разница?

– Это вам объяснят на экзамене, – ответил преподаватель.

Пете на экзамене ничего не объяснили. Поставили хорошо, но вместо направления по окончании вуза в желанную прокуратуру выпускника распределили юрисконсультom на табачную фабрику. С тех пор он разлюбил прокуратуру, а ее

сотрудники стали его вечными недругами:

– Эх ты, государево око, запамятовал, кто может назвать человека преступником? Видишь, Анна, кто стоит на страже закона?! Впрочем, оставим его. Скажи другое: у двери крышка гроба, а ты улыбаешься?

Анна, удовлетворенная, что спор прекратился и на нее снова обратили внимание, довольным голосом произнесла:

– Батюшка обещал прийти отпевать.

– Кого отпевать? – в глазах юриста-пропагандиста появилось любопытство.

Анна подняла голову и развела руками:

– Меня.

Петр Петрович перестал пить квас, поставил кружку на стол:

– Не понял, – и повернулся к прокурору, – вот ты любишь упрекать меня в лицедействе. Скажу честно: для дела иногда чуть-чуть нужно, а здесь – не понимаю. Зачем Анне оно?

Георгий Васильевич обратился к хозяйке дома:

– Успокой его.

Анна положила ладони на колени:

– Уважаемый Петр Петрович, я уже говорила Георгию Васильевичу: у меня живых близких родственников нет. Где сынок – не знаю, когда будет – не ведаю, чувствую, долго не протяну. С миром проститься надо по-человечески. Васику скоро водки и вина привезет. Голубцов наделала, маслины купила. Как семь человек соберутся и батюшка придет, так

и начнем. Вы – второй.

Адвокат-депутат жеманно вздохнул:

– Я уже к этому привык, всегда второй. В суде – после прокурора, в парламенте – после руководителя фракции. Все мои женщины говорят: я у них второй, первым был муж.

Георгий Васильевич тихонько пробормотал: зато у своей жены ты первый недотепа.

Петр Петрович реплику не расслышал и продолжал:

– Раз батюшка будет, другой указ, а то бы считалась самоубийцей. Они же как подданные дьявола помещены Данте в седьмой круг ада, вместе с грабителями и убийцами, – перевернул пластинку депутат, – а твое решение Анна умное. Гости возражать не станут. Подарки дарить не надо, родственникам помогать не требуется. Посидим, пить будем у тебя впервые не только квас. Поговорим о покойнице. Ой, Анна, извини, в конце концов, такие поминки – как юбилей, только досрочный, со знаком «минус», который постепенно, – он погладил горло, – переходит в плюс. По народному закону на поминках об усопшем говорить можно только хорошее, даже прокурору. Тем более, о живой покойнице. Через неделю после поминок – другое дело.

Строгий прокурор не мог сдержаться:

– Разошелся юрист-юморист. Наговоришься скоро, правда, без микрофона. Потому побереги голос. Давай лучше домашних предупредим.

Адвокат-депутат за словом в карман не лез, но за мобиль-

ным пришлось. Он вынул мобильный телефон, набрал номер:

– Я задерживаюсь, перенести не могу, поминки, пообедайте без меня, всё, – и отошел в сторону, – дорогая, у меня внеочередная встреча с избирателями, кушайте сами, целую. Смотря по обстановке перезвоню, – оглянулся, набрал другой номер, заговорил тихо, прикрывая ладонью, – Нику, возьми тот пакет, что привезли вчера вечером, и ко мне. Нет, не домой. Помнишь, где я квас для окрошки беру? Давай, прямо сейчас. Во дворе у дверей увидишь крышку гроба. Не пугайся, за ней и поставь сумку.

Петр Петрович немного помолчал и набрал третий номер: – Здравствуй, сладкая. К сожалению, встречи не получится, оперативные проблемы. Завтра позвоню. Целую и обнимаю.

Оглянувшись, он подошел к Георгию Васильевичу, взял его под локоть, и они двинулись вглубь двора, за дом. При этом адвокат размахивал рукой, а коллега тренировал шею. Голова поворачивалась лишь по прямой линии: влево-вправо, вверх-вниз.

Статистик, слышавший разговор, тихо заметил: у депутатов и прокуроров всегда есть для жены алиби. На вопрос: «Где был?» – ответ простой и убедительный. У одного – с избирателями встречался, у второго – боролся с нарушителями закона. И не опровергнешь. Других-то жителей в стране нет.

5. Виорика

Гаргантюа, любимый герой Франсуа Рабле, сторонник диеты, поглаживая себя по животу, повторял: «Природа не терпит пустоты, между прочим, великий Аристотель со мной согласен.» Подобным местом в Виноградске стал двор дома по улице Фруктовая, 17.

Желание завладеть хозяйством Анны появилось у Афанасия Мокану, известного больше как Бужор, после небольшого ДТП. Его черный джип поцеловал не менее черный фольксваген. Пока составляли протокол для страховщиков, Мокану обратил внимание на симпатичный двор, подергал калитку, обошел двор, улыбнулся, увидев качели, вернулся и поручил своему заму серьезно изучить вопрос. Это означало: найти способ и подготовить мероприятия по переводу объекта в другую собственность. Лучшим специалистом в подобных делах еще со старых времен считался уже немолодой внештатный сотрудник фирмы Ливиу. Он съездил к

дому, изучил обстановку, поговорил с соседями, сходил в ЖЭК. В результате появились жалобы-сигналы. В Налоговую инспекцию – о сокрытии доходов при продаже кваса. В Министерство образования – о подрыве школьной дисциплины путем предоставления качелей для катания школьников в учебное время. В Министерство экологии – о порче зеленых насаждений: одно дерево использовалось в качестве стойки качелей, чем укорачивался его жизненный срок. Предстояли проверки. К письмам были приложены фотографии домов с качелями и магнитофонная запись разговора с соседями.

Виорика, посмотрела на металлическую табличку на углу дома, подошла к калитке, пробормотала: «Кажется, здесь». Заметив Василия, выходявшего со двора, обратилась к нему: – Привет! Вы здесь живете?

Взгляд Василия скользнул по фигуре Виорики:

– Салют, желаете составить компанию?

Виорике нравились мужские заигрывания. В ее больших глазах вспыхивали игривые искорки, которые воспаляли собеседника. Наивно лукавое выражение лица, замечания: «Не может быть!», «Вам, конечно, я верю» – усиливали мужское возгорание. Она же с удовольствием наблюдала, как мужчины всю стараясь понравиться, выдают даже затаенную, нужную ей информацию. В результате, её публикации становились хлесткими, создавали впечатление, что автор знает проблему изнутри, вызывали доверие и повышали

рейтинг газеты. На реплику Василия Виорика среагировала мгновенно:

– Это предложение?

Василий задал быстрый темп:

– Когда начнем?

– Через три часа двадцать минут, – Виорика приоткрыла капкан.

– Современный стиль. Это уж точно.

У Виорики появилась первая лукавая улыбка:

– Через три часа двадцать минут после начала свадьбы.

– И когда у вас свадьба?

– После нашей с вами свадьбы. Василий вздрогнул:

– Я человек серьезный, а вы что предлагаете? Вы забыли, что свадьбы играют? И потом, вы же меня не знаете?

– Зачем же жить предлагали?

– Я только спрашивал.

– Я только отвечала и почувствовала ваше желание услышать марш Мендельсона.

– Этот марш – реквием любви. Между прочим, я, Василий, – мужчина серьезный, есть справка, заверенная нотариусом.

– Я Виорика.

– Какое заманчивое имя, номер телефона наверняка не менее заманчив.

– О чем справка?

– О полной верноподданности государству и частичной –

избраннице. Недостатков в себе не вижу, пусть их поищет будущая теща.

– Храбрый и открытый молодой человек!

– Готовлюсь в мусульмане. У них чем больше жен, тем лучше семьянин. По Корану имеют право на квартет: по одной жене для каждого сердечного клапана сердца. Облегчается нагрузка на сердце, укрепляется моральный климат в семье. Ни одна из жен не должна быть эгоисткой. Поощряется лишь стремление доказать мужу, что она – лучшая. Объявлен открытый конкурс. Можете подать заявку. Пришлите CV с фотографиями в платье и в купальнике. Жюри под моим председательством рассмотрит и сделает выводы.

Виорика не растерялась:

– Европеец-мусульманин, конкурс – это, конечно, круто. Только по мусульманским законам из того же Корана, выдержавшим проверку ни одно столетие, требуется выплатить калым за невесту. Потому докажите свою платежеспособность, кандидат в падишахи. Для начала верните родителям затраты на содержание за каждый год моей жизни – по среднемировым ценам, разумеется, в твердой, конвертируемой валюте. В крайнем случае, наличные деньги можете заменить гарантией первоклассного банка. Тогда и подам, с разрешения отца, заявление на конкурс.

От такого напора Василий опешил, но сопротивления не утратил:

– Вы финансовый менеджер? Финансистки в меня еще не

влюблялись.

Виорика усмехнулась:

– Просто деловой подход. Ну как, слабо?

– Любовь, и за деньги? У меня сердце не кассовый аппарат. Посему оставляю мусульман их всевышнему, перехожу в католики. Концессия дает женщине гарантии брака до гроба. Развод – лишь с разрешения Папы Римского. Ну как, слабо?

– Шараханье не украшает мужчину. Завтра в индуисты захотите или в конфуцианцы.

– Как же завоевать ваше доверие?

– Как? Хорошей сенсацией.

– Не понял?

– Для почина найдите сенсацию. Сейчас в моде борьба с коррупцией. Вы где работаете?

Василий насторожился:

– Наша фирма, увы, на полного коррупционера пока не тянет, не доросла еще. Сами взятки даем, а нам пока никто.

Взгляд Василия метался с фигуры раскрепощенной Виорики на крышку гроба у дверей. Мысль искала, тело требовало, рот заговорил:

– Есть жесточайший факт стяжательства и коррупции. Как результат – преступление!

Василий еще не придумал факт, но чувствовал, что найдет. Природа на его стороне, и, как подтверждение, весенний ветерок – по определению, сторонник влюбленных – резко

выдохнул. Виорика юбочка вспорхнула, обнажив бедра и мини-трусики. Последний барьер осторожности пал. Василий набрал воздух и бросился в омут фантазии:

– Это дом Анны Георгиевны. В нем она родила двух сыновей, собиралась нянчить внуков, а теперь, видите? – он указал рукой на крышку гроба, – всё из-за этой проклятой собственности.

Виорика вынула из сумочки диктофон:

– Получается, верно редакции сообщили. Анна Сырбу обещала покончить с собой, если ее дом снесут. Вижу крышку гроба по адресу, что в письме. Значит, уже?

Василий почувствовал, ему начинает фартить:

– Сегодня поминки. Посмотрите, какие люди пришли, – он указал на появившихся из-за дома депутата и прокурора.

Виорика сразу узнала говорливого депутата. Включила микрофон, подбежала к нему:

– Господин депутат, ответьте вашей любимой газете, вы пришли на поминки Анны Сырбу?

Адвокату польстило, что его узнали. Он любил давать интервью, заковыристо комментировать любые вопросы, но сейчас удивился. Чего это вдруг, пусть и поминки необычные, но героиня всего лишь простая квасница – и такое внимание прессы? Видимо, имеются скрытые мотивы:

- Простите, запомятовал имя обаятельной журналистки.
- Газета «Капитал», спецкор Виорика Кодряну.
- Жизнерадостная Виорика, скажите, какие могут быть

вопросы в такие печальные минуты? О виновнице подобно-го торжества – лишь добрые слова, а вам, газетчикам, нужны другие. Прошу извинить, я гуманист; обратитесь к прокурору города, у него сердце тверже и холоднее.

Виорика повернулась к прокурору:

– Господин прокурор, подмените вашего коллегу по юридическому цеху. Ведь не случайно сам прокурор города пришел сейчас сюда, тем более в выходной день?

Прокурор не жаловал закон о прессе и подчинялся ему с тоской:

– Депутат прав. Сегодня не до интервью. Анна Георгиевна Сырбу поистине народный человек, о ней говорить всеу негоже. Тем более что принятое ею решение вполне обоснованно. Люди ее поймут и поддержат. Извините, комментарии в другой раз. До свидания.

Сопоминальники развернулись и направились к беседке.

Раздосадованная неудачей Виорика взглянула на Василия:

– Разъясните ситуацию, католический мусульманин. Представители закона, и со стороны атаки, и со стороны защиты, на поминки пришли, а от комментариев уклонились. Почему? Довольный Василий усмехнулся. Официальный, тривиальный прием выйти на след желанной сенсации Виорике не помог. Значит, нужно придумать свой след, по нему журналистку направить и стать ее гидом. Тогда его оценят. Для Василия наступил час творения:

– Разве не ясно? Назначены поминки тети Анны в доме, который непонятно кому достанется.

– Наследникам, кому же еще? – пожалала плечами Виорика.

– Не уверен, дорогой финансовый аналитик, – в глазах охотника появилась твердость. – Во сколько оцените два дома с двадцатью пятью сотками земли, почти в центре города. Это же готовый особняк-комплекс для солидной фирмы или даже посольства. Молчите? Отвечу. Цена не меньше миллиона. И не наших местных, – он поднял указательный палец, – и не долларов, а евро. Вот вам стартовая цена вопроса.

Виорика подошла вплотную к Василию, взялась за змейку его куртки:

– Я понимаю, что ты расстроен потерей близкого человека. Но во имя светлой памяти нужно рассказать о ней людям. Но чтобы в завтрашнем номере материал вышел, я должна до пяти вечера сдать его в редакцию.

Василий закурил, сделал несколько затяжек. Он чувствовал, что на коня вскочил, а вот куда скакать, не знает. Виорика продолжала дергать змейку. Куртка растянулась. Василий молчал, наконец выбросил сигарету и медленно заговорил:

– В Библии не зря замечено: красота суетна. Чего так суетишься? Серьезный материал скороговоркой не сделаешь. Проблему нужно изучить, вникнуть в нее, чтобы она вошла в тебя, как говорил Фредерик Жолио-Кюри своей коллеге-супруге Марии Склодовской, получая очередную дозу радиа-

ции до получения Нобелевской премии. Так что не спеши, должно наступить время Х.

Нравоучения лишь раззадорили Виорику:

– Да-да, но где его взять, это время, уважаемый гуру? Прессу ценят за оперативность. Завтра придут другие газетчики и телевизионщики, сенсация будет за ними.

– Если я вам помогу стать первыми, что взамен?

Виорика заметила, какие взгляды бросал на нее Василий, и мгновенно выбрала вид награды:

– Бартер устроит?

– Не понял?

– Баш на баш. Я тебя поцелую.

– То-то я смотрю, в воздухе носятся поцелуи. Не твои?

– Я тебя поцелую первого. Учти, п-е-р-в-о-г-о.

– Можно подумать, раньше ты не целовала, – Василий скептически улыбнулся.

– Как первая, кроме мамы и братишки, никого. И не смотри на меня так, любитель сравнений. Только в щечку. Я девушка не менее серьезная, чем ты.

– А если не сдержишь слово? Ведь как-никак, журналистика – вторая древнейшая профессия.

– Ошибаешься. Доказано: она первая! Почитай Священное Писание. Вначале было Слово.

Виорика верно выбрала манеру поведения. Василий не устоял.

А вы, храбрецы-мужчины, признайтесь, как на духу: усто-

или бы перед смеющимися, распахнутыми и прыгающими зрачками разного цвета, карим и голубым глазам, движущейся грудью без лифчика, под расстегнутой на одну лишнюю пуговицу обтягивающей блузкой, перед выпуклыми бедрами, намекающими угрозой заключить вас в объятия?

Василий перестал ставить условия:

– Ты хочешь сенсаций? Их есть у меня. Одна начинается прямо здесь. И, чтобы не потерять времени, дайте в газете анонс: «Срочные поминки народной умелицы. Снос дома несет смерть. Прокурор города и известный правозащитник прибыли на Фруктовую, 17. Но комментировать боятся. Газета начала журналистское расследование: «Почему молчит оппозиция? Куда смотрит мэрия? Или миллион требует тайны?».

Виорика остановила фонтан:

– Не понимаю, какие срочные поминки? Причем здесь оппозиция? Какие тайны?

Глаза Василия повеселели. Он убедился – Виорика весьма обеспокоена и заинтересована. Он снова поднял указательный палец и, после паузы, почесал им щеку. Виорика намек поняла. Быстро поцеловала Васю в щеку. Василий пошевелил плечами.

– Хорошо, прокомментирую, – сделав паузу добавил, – в следующий раз. Пока беги в редакцию. Успеешь до пяти задать вопросы, я их назвал, а поцелуй не засчитывается.

– Почему?

– Не в ту щеку.

Виорика засмеялась и стремительно застучала каблучками, чуть не сбив у калитки таксиста. Тот посмотрел вслед.

– Гаишника на тебя нет.

6. Несмертный грех

Поздоровавшись с вошедшим следом очкастым неуклюжим толстячком, пенсионером Куку, автомобильный ковбой получил укол:

– Да, Семен, дожил, от тебя уже девушки убегают, а хвастался: все пассажирки – твои поклонницы.

Гроссмейстер руля без труда отбился:

– Жизнь не остановилась. В детстве девочек интересуют куклы, мальчиков – машины, а сейчас девушек – машины, мужчин – куклы. Засмотрелся я.

Приблизившийся Василий, довольный первой маленькой победой над Виорикой, встал на защиту таксиста:

– У него сейчас пост, для профилактики, перед техосмотром. Верно, сосед?

Таксист засмеялся:

– Рад тебя видеть. Что скажешь за вчерашний пенальти?

Если бы играли у нас, лично задавил бы судью. И уверен, присяжные – мужчины меня бы оправдали.

Василий, пожал протянутую руку:

– Я не долго, попейте пока кваску, – и обратился к пенсионеру: – Тебе особо полезен квас, зрение укрепляет и язык расслабляет. Видите, как юристы под него спорят, – показал на прокурора с адвокатом и поспешил к машине.

Вернулся он действительно довольно быстро: спорщики еще не успели утвердить меру наказания футбольному судье.

Василий с водителем занесли в дом два ящика с вином. По пути Василий, указав водителю на крышку гроба, что-то сказал, тот кивнул.

Вскоре приехал священник в сопровождении диакона с кадилом и служки. Анна пригласила их в дом. Войдя, отец Николай спросил, где можно переодеться. Анна отвела его в свою спальню. Священник оглядел комнату:

– Иди, дочь моя, мы подготовимся и позовем. Перекрестившись покойница вышла. Священник облачился в белые епитрахиль и фелонь, диакон – в стихарь и орарь. Диакон вложил фимиам в кадильницу и позвал хозяйку. Отец Николай взял у диакона кадило:

– Кого отпевать будем? Как зовут?

Анна покраснела и тихо, почти шепотом, вымолвила:

«Анна». Батюшка удивления не выказал:

– И ты Анна, и покойница Анна, бывает. Где она лежит?

– Она не лежит. Это одна и та же Анна. Это – я. Отец

Николай оторопел. Диакон открыл рот:

– Дочь моя, ты что, в двух лицах? Или перебрала вместо поминальщиков.

Анна продолжала краснеть:

– Прости, батюшка, меня отпевать прошу.

– Дочь моя, ты же живая.

Отец Николай отдал кадило диакону. Анна бросилась священнику в ноги.

– Прости, батюшка, грешницу, Христом Богом прошу: прости! Никого у меня нет. Одна-одинешенька. И поминки будет некому справить. А уйти по-людски хочу.

– Дочь моя, добровольно уйти – это самоубийство. Грех большой. Если что не так в жизни, терпи. Господь терпел и нам велел.

Дочь внешне покорная, с детства отличалась упрямством:

– Батюшка, я терплю, но моя просьба – не смертный грех.

В Библии в числе семи смертных грехов он не назван.

Священник с уважением посмотрел на чистенькую просительницу.

Анна Георгиевна продолжала:

– Считайте, батюшка, что это генеральная репетиция будущих поминок. Я слышала, такое можно. Прости, батюшка, и благослови грешную!

– На что благословлять? На смерть? Священник почесал бороду.

Анна запричитала:

– Когда на войну идут, на бой смертный, солдат же благословляют. Отпусти грехи, батюшка, отпусти! Жить буду на Земле, сколько душа выдержит. Господом Богом молю: отпусти грехи и благослови спокойно уйти в мир к Богу, когда он позовет. Какая разница, когда отпевать, сейчас или после? Главное, быть готовой. Поминальщики уже сидят в кабаке. Там даже гроб есть, голубцы наделала, маслины купила.

Священник снова почесал бороду. Дьявольская хитрость не понадобилась. Положил руку на голову плачущей:

– Ты когда родилась, дочь моя?

– Восьмого августа, батюшка.

– В день Анны по христианскому календарю. Это богоугодно. Ладно, раба Божия, не для честолюбия просишь, иди к своим поминальщикам. Мы сейчас придем.

Анна сквозь слезы улыбнулась, поцеловала батюшке руку и на цыпочках вышла.

В тот же момент во дворе появился полицейский. По походке было видно: идет представитель власти, шагал уверенно, не торопясь. Его обогнали две соседки. Власть сразу указала:

– Уважаемые, раз в дом идете, позовите хозяйку, а я пока двор осматриваю.

Женщины остановились:

– Не придет она.

– Это еще почему? Скажите, участковый зовет, пусть по-

торопится, если штрафа не хочет.

– Не может она. Ее отпевать сейчас будут. Уже и батюшка здесь.

– Кто разрешил?

Женщины с удивлением посмотрели на полицейского.

Одна из них возмутилась:

– Как кто? Создатель наш установил такой порядок, – и обе запрокинули головы.

Наконец полицейский заметил крышку гроба:

– Это для нее? – и, не дожидаясь ответа, повернулся, снял фуражку. Слава Богу! Легче будет отчитаться. Разбираться не придется, – надел фуражку и с достоинством направился к калитке.

Природа любит принцип четности. Он во многом предопределяет развитие мира. Белые и черные полосы жизни чередуются. Люди признают такой подход. «Везет – не везет», «со щитом или на щите», «из грязи – в князи», «робкая невеста – говорливая жена», «на коне или под конем», «атака – защита», «гроб – крышка», «добро – зло», «преступление – наказание», «погулял на украденное – посиди, отдохни». На автодорогах полицейский с полосатой палочкой, как тигр в прериях. Девушка, сорвав ромашку, выясняет: «любит – не любит, плюнет – поцелует», и т. д.

Два физика – китайского происхождения, европейского образования, американского проживания – в 60-е годы прошлого века с удивлением, но научно доказали, что в приро-

де принцип четности не всегда соблюдается. Однако ещё сто лет до них Владимир Даль в своём великом словаре заметил: «Четать – так нечета держаться». В российском городе Иваново на это явление чуть позже обратили внимание и запели: «Потому что на десять девчонок по статистике девять ребят». Тем не менее Нобелевскую премию присудили ученым-физикам. В Иваново же взамен премии построили еще одну ткацкую фабрику.

Однако принцип чётности легко без китайцев опровергает многоликое число «7». Его секрет таинственен, тайна за семью печатями.

Видимо, потому что оно любимое число Бога, который нечетку любит. Официально считается, что за семь дней Бог сотворил мир. Хотя, если глубже капнуть, оказывается за шесть дней, ибо седьмой он сделал выходным. Потому и любимым. Но цифра «7» в бытие пошла. В неделе семь дней, на свете семь чудес, в жизни семь смертных грехов, семь планет, в сказках – семь гномов, Гомер и Вергилий воспели Фивы семивратные. Были и семибоярщина, и семибанкирщина. Признали бы Рим столицей священной империи, если бы он не стоял на семи холмах?

Евангельских чинов сколько? Семь. Рай где? На седьмом небе. 7 праведных планет, 7 нот гаммы, цветик-семицветик, 7 крестовых походов совершили христиане. Мусульмане, совершающие хадж в Мекку, обходят 7 раз вокруг храма и 7 раз целуют черный камень. Даже лист бумаги нельзя согнуть

более семи раз.

У мусульман во время похорон 7 шагов с саваном покойника обеспечивают попадание в рай. Обрезание крайней плоти у евреев не делают, пока не пройдет семи дней, только на восьмой. Как и женский праздник – на восьмой день марта. Проверено: каждая седьмая кружка пива идет в пользу бармена.

В пословицах и поговорках народных число семь четко отмечено: в умном лбу семь пядей, семеро одного не ждут, семь пятниц на неделе, семерым просторно – двоим тесно, семь бед – один ответ, седьмая вода на киселе, если уже шагать, то семимильными шагами, если мерить, то семь раз, а отрезать один, за семь верст киселя хлебать, семижилый, семеро по лавкам, семицветная радуга. В кино: у японцев – семь самураев, у американцев – великолепная семёрка, у евреев – семисвечник. И семья возникла не сразу. Лишь после того, как женщина, на вопросы жениха: «Кто будет стирать, готовить, рожать, воспитывать детей и т. д., и т. п.?», – семь раз ответила «я», сложилась семья.

В каса маре¹ возле стола стояли семь человек. Вошли Отец Николай, диакон и служка. Кадило дымило. Анна с умиротворенным видом стояла на коленях возле гроба, установленного на табуретах в углу комнаты. Диакон начал: «Благослови, Владыка!». Обычно многословный батюшка на этот раз был краток: «Благословен наш Бог всегда, ныне,

¹ В домах кушмарийцев – большая нежилая комната для приема гостей.

присно, и во веки веков! Раба Божия Анна – достойная прихожанка. Своими добрыми делами, верой и любовью к Отцу и благодетелю нашему Всевышнему заслужила небесного рая. Чего ей и желаем. Отпускаю твои грехи, Анна. Жди, когда позовет Отец наш рабу свою. Господи, упокой душу, – батюшка запнулся, – рабы твоей Анны! Аминь!»

На том необычное богослужение закончилось.

Отец Николай перекрестил Анну кадилом и удалился, отказавшись от платы и трапезы за свой труд праведный. Диакон с тоской посмотрел на поминальный стол, глубоко вздохнул и покорно двинулся следом, отдав кадило службе. Оба удалились, не поднимая головы.

7. Консенсус на трапезе

Практика нашла, а теория установила жизненный закон: любое собрание за столом с бутылками алкоголя превращается без председателя в рядовую пьянку. Но когда с председателем – это мероприятие. Наш законодатель по определению не мог такого пропустить. Депутат-адвокат, встав, немедленно сформулировал и обосновал, почему именно он просто обязан исполнять обязанности председателя:

– У меня, конечно, борода не такая, как у батюшки. Но другой здесь нет. К тому же, мой голос в стране слышен, к нему прислушиваются. Так что спикером придется стать мне.

Возражать никто и не подумал: должность не оплачиваемая, разовая, льгот никаких, – и самоназначенный председатель продолжил:

– Я вижу, вы все согласны со мной. Прошу садиться, – хотя никто не стоял, – начнем. У меня двойное пожелание

Анне Георгиевне. Поскольку у нас цель добрая, надеюсь, достигнем консенсуса.

Прокурор поморщился. А таксист удивился: «Мы что, тригонометрию изучаем: синус, косинус, конс...»

Любитель классических терминов не смутился:

– Объясню. Термин консенсус больше парламентский. В переводе с латинского значит «согласие, единодушие». Забыли, как раньше голосовали в ответ на призывы партии?

Таксист вновь удивился:

– Mille pardon, чёрт побери, кто будет спорить? Мы же не в парламенте бюджет делим.

Депутат продолжал красоваться:

– Я не дьявол с его деталями, но конкретизировать хочу. Таксист не мог остановиться и пробормотал: «Тоже мне, богослов нашёлся!». Но его никто не услышал, а спикер не унился:

– Наше единогласие заключается в следующем: с одной стороны, мы желаем Анне Георгиевне подольше здравствовать на этой земле, а с другой – пожелаем ей попасть не просто в царствие небесное, а в отделение VIP, то есть в рай. Все слышали, батюшка одобрил.

– Чтобы не нарушать регламента и протокол, прошу уточнить, в каком случае будем чокаться, а в каком не будем? – прервал Василий исполняющего обязанности председателя.

Спикеру реплика понравилась:

– Хорошая растет молодежь, учится жить по правовым

нормам поведения. Определяю: будем чокаться через раз. За здоровье на земле – чокаемся, за вечную жизнь в раю – склоняем голову.

Было обеденное время. Накрытый стол обострял аппетит. На столе ждали овечья брынза, домашняя колбаса, селедка, жареные перцы, маслины, овощные соленья, керамический кувшин с крестьянским красным вином по прозвищу Гибрид Иванович, домашний хлеб и плацинды. Собравшиеся начали пробовать холодные закуски, не дожидаясь приглашения. Спикер уловил желание коллектива:

– Перекусим пока без тостов, – поднял стакан и лишь пригубил.

Голосования не потребовалось. Застолье стартовало. Началось вилочное движение. Не сопровождаемое стеклянным звоном.

Между тем во дворе дома происходили едва заметные события с будущими немалыми последствиями. Поочередно, с небольшим интервалом, появились водители Василия и депутата. Каждый из них положил за крышку гроба сумку. Через полчаса из подъехавшего джипа, с переднего сидения, выпрыгнул широкоплечий мужчина в черной куртке. Оглянулся, вошел во двор, посмотрел по сторонам, приблизился к крышке гроба, отклонил ее от стены, взял сумку и не торопясь уехал. Через 5 минут то же проделал кудрявый парень из серой шкоды. Отсутствующий Кагор своим звуковым сопровождением им не мешал.

Наконец первое чувство голода поминальщики утолили и успокоились.

Таксисты не приучены уступать дорогу. И Федосеич, не дожидаясь указаний спикера, разлил по стаканам пузырящееся красное вино:

– Mille pardon, сотрапезники, давайте пожелаем Анне Георгиевне как можно более длинную дорогу до следующих поминок. Не возражаете? Тогда вперед!

Глухое чоканье подтвердило согласие с тостом, но стакан до дна никто не опустошил:

– А адвокаты на том свете есть? – любопытствовал таксист.

Депутат на вопрос не среагировал. Но мастер руля не успокоился. Съев несколько маслин, он снова обратился к спикеру застолья:

– Скажите, если у нас поминки живые, правильнее сказать – тренировочные, наверное, нужно Анне жизнь свою рассказать. Ведь если не выговоришься, то душу не облегчишь. По себе знаю. Разве не так?

Петр Петрович, как и его коллеги по парламенту, после выборов любил поучать народ. Перед выборами он обещал, критиковал конкурентов, хвалился, осторожно нападал на власть. И храбро обещал: вот когда мы возглавим, тогда...

Сегодня представлялась возможность продемонстрировать трибунное мастерство, и адвокат не мог ее упустить:

– Здесь не суд, чтобы выяснять виновность главной геро-

ини. Цель поминок иная. С одной стороны, это соблюдение ритуала узаконенной жизнью традиции. С другой – задача снять неизбежно возникшее психологическое давление на родных и близких усопшей:

– А у вас, господин депутат, в случае смерти подготовлены просьбы к Богу? – неожиданно прервала его плациндолюбительница.

– Пожалуй, одна, уважаемая. Перед отпеванием меня попрошу на время воскресить и дать прощальное слово. Представляете, сколько можно высказать о ком хочешь и что хочешь? Их ответные слова прозвучат впустую.

– Интересно, на том свете на каком языке разговаривают? – решила уточнить другая соседка.

Плациндолюбительница посчитала, что вопрос обращен к ней:

– На каком, на каком! Ты уже немолода, могла бы сообразить, куда отправляешься? На небеса, к Богу. Значит, будем говорить на божьем языке.

– Мы же его не знаем.

– Читай Библию. Ответь на мой вопрос. А с кем бы ты хотела увидеться, когда попадешь наверх?

– Конечно, в первую очередь с мамой.

– А с кем бы не хотела встречаться? Коллега Анны по работе вмешалась:

– С тобой уж точно. Впрочем, ты сама бы не пришла, ведь плацинд у Анны там не будет.

– Ох и завистливая ты. Оттого худющая и замуж не берут, – огрызнулась поклонница плацинд, – и повернулась к Федосеичу:

– Вы мало кушаете, уважаемый сосед. Федосеич спокойно объяснил:

– В передаче «Здоровье» по ТВ учили: мозг человека всего 2 % от веса тела, а забирает 20 % энергии. Места для большего количества уже нет. Поэтому я больше двух порций не ем.

Таксист-шашист понял, что за руль он сегодня уже не сядет, и перестал считать стаканы. Речь стала свободней:

– Вот вы, господин депутат, столько говорите, будто вам платят за каждое слово, как нам за километр. А правду объезжаете, что выбоину на асфальте.

Разомлевший Петр Петрович не обиделся:

– Разумный ты человек, Федосеич, а выехал не на свою полосу. Возьмем, к примеру, казалось бы обычный эпизод. Кто скажет правду о тебе?

Федосеич удивился:

– Тоже вопрос. Запретительного дорожного знака вроде не установили.

Парламентарий ухмыльнулся:

– А вот сейчас разберемся. Кто тебя не знает, тот ничего о тебе не скажет. Ни хорошего, ни плохого. Если он честный, не сможет. Он же тебя не знает. Перейдем к тем, кто тебя знает. Начнем с родственников. Ты еще живой. Ну кто из

родственников скажет правду о тебе, еще не зная твоего завещания, зачем отношения портить? Спросите друзей? Они же потому и друзья, что не говорят правду о тебе. Зачем расстраивать друг друга? Узнать у врагов? Кто же им поверит? Они же враги! Маме поверят, но она же мама, она любит тебя не для того, чтобы говорить всем правду о тебе.

Федосеевичу понравилось, что его замечание вызвало столь обстоятельный ответ самого депутата, который продолжал:

– Сам у себя спроси – и узнаешь правду о себе, если не побоишься. Не все такие отважные и безрассудные. Один богатый американец сделал заказ киностудии: снимать его первенца раз в неделю по одной минуте, а на его пятидесятилетие смонтировать отснятое и вручить ему. Когда настал срок, юбиляру принесли кассеты. Он заперся в кабинете, никого не пускал и на третий день затворничества застрелился. Почему? Комментарии нужны?

– Думаю, что нет, – Василий поднял стакан, – знаешь правду о себе, не знаешь правду о себе, жизнь идет. Выпьем за радость жизни!

Все выпили до дна. Федосеич, не прося слова, расфилософствовался:

– Если человек создан по образу и подобию Творца, то каков тогда Создатель? У мусульман и иудеев его изображения нет, христиане рисуют приглаженным. Вы скажете: Божьи заповеди корректируют поведение человека. Но, позвольте, за-

чем тогда его корректировать, перевоспитывать созданного по Божьему образу и подобию? Вывод: или не получилось, или двойные стандарты.

– Не наливайте ему больше, – указал объективный прокурор.

– Но и не меньше, – уточнил Федосеич.

Назидательные речи адвоката начали вызывать раздражение. Однако последние слова: «Давайте теперь потрапезничаем молча» – напряжение уменьшили.

После смерти мужа Анны в ее доме не курили. Анна, заметив, как адвокат несколько раз вынимал пачку сигарет, а прокурор его одергивал, посочувствовала:

– Дорогие гости, покурите во дворе, а мы пока горячий стол подготовим.

«Куряки» противиться не стали и направились к беседке. Когда мужчины вышли, женщины стали прибираться.

Анне помогать не разрешили:

– Тебе сегодня работать нельзя, отдыхай, сами управимся, – остановила её бывшая коллега.

Анна сидеть без дела не привыкла:

– Можно, я пока в гробу полежу, устала больно, как-никак поминки.

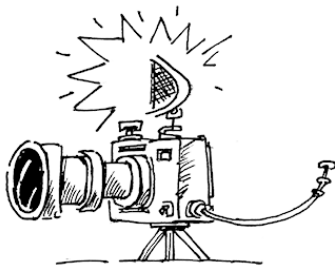
– Почему бы и нет? Гроб же тебе принесли, попробуй, в следующий раз привычней будет, – одобрила доброхотка-соседка.

И отпетая покойница перекрестившись, полезла осваи-

вать гроб.

8. Фотосессия

В то время к дому подъехал вишнёвый рено с надписью на борту «Капитал». Сначала из окошка выглянул водитель. Видимо, что-то сказал пассажиру. Тот вылез из машины и направился к дому. Мужчина был средних лет, в желтой кожаной куртке и с двумя фотоаппаратами. Один висел у него на шее, другой он держал в руках. Постояв во дворе, повертел головой, увидев крышку гроба и, никого не спрашивая, медленно заковылял к ней. Фотокорреспондент газеты «Капитал» не любил быстро ходить. Войдя в открытые двери, прошел коридор и наткнулся на гроб. Женщины суетились вокруг стола. Одна из них доброжелательно предложила ему выпить рюмку, пока гости курят. Он не отказался, поднял рюмку, перекрестился, крикнул. Видимо, в предыдущей жизни он был в утином племени. Ему нравилось кряк-

теть. Подождал, выпил еще одну рюмку, опять крикнул. Взял маслину, понюхал, съел. Стал рассматривать комнату. Женщины уже ушли. Сделав общий снимок, перекрестился, пробормотал «Бог троицу любит», налил и выпил третью рюмку, закусил маслиной. Откинулся на кушетку и сразу задремал. В это время во двор вошла симпатичная девушка в джинсовой юбке, джинсовой куртке и джинсовой кепке. Увидев людей в беседке, шагнула к ним:

– Это дом Анны Георгиевны? Василий среагировал первым:

– Да, а в чем дело?

– С Анной Георгиевной можно переговорить?

– Сможешь только увидеть. Видишь открытую дверь возле крышки гроба? Тебе – туда.

Девушка кивнула, остановилась у крышки гроба, которая всерьез не воспринималась. На ней сидел рыжий котенок. Снизу Кагор дружелюбно погавкивал на него. Девушка перекрестилась и вошла в дом. В большой комнате увидела в гробу Анну, снова перекрестилась, коснулась ногой похрапывающего фотографа. Тот проснулся и уставился на девушку:

– Чего хочешь?

– Вот привет передать Анне Георгиевне. Где она? – и вынула конверт.

– Положи в гроб, она на том свете прочтет. А мне не мешай.

– Вот вы и положите.

Девушка всучила ему конверт, сделала снимки на мобильник и, не мешкая, удалилась. Во дворе ее окликнул веселым голосом Василий:

– Ну, поговорила?

Девушка раздраженно буркнула.

– Не грешно вам смеяться в такой день, – повернулась и столкнулась с входящим строгим мужчиной в очках.

– Извините, я из Налоговой инспекции, как найти мне госпожу Анну Сырбу?

– Опоздали, в гробу она, видите крышку у двери.

– Как в гробу? А кто налог за квас платить будет?

– Сделайте запрос в парламент, – рассмеялась джинсовая девушка.

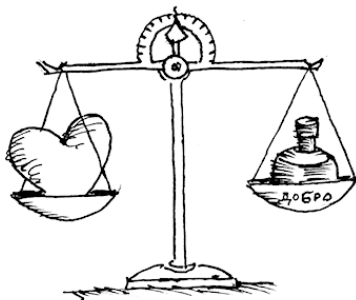
В это время мастер объектива, прежде чем взяться за работу, выпил еще рюмочку, крякнул и начал щелкать фотоаппаратом, снимая гроб под разными ракурсами. Залез на стул, желая зафиксировать вид сверху. Вспышка пробудила задремавшую Анну. Она открыла глаза, испугалась наставленного на нее объектива фотоаппарата, взмахнула руками:

– Чур-чур, не меня! Изыди, сатана, изыди, еще поминки не кончились!

Фотограф, получивший новое, не дворянское звание, испугался еще больше. Свалился со стула, ударился затылком о табурет. Гроб покачнулся и перевернулся. Анна упала на фотокора. Тот дернулся и потерял сознание. Сбежавшиеся женщины закричали, зовя на помощь мужчин. Беседка во

дворе мигом опустела. Вскоре приехала машина скорой помощи и увезла кряктуна.

9. Поминальный коллоквиум

В комнате стало просторнее. Гроб убрали. Рассевшиеся вокруг стола гости улыбались, уже не стесняясь. Голубцы в виноградных листочках манили ароматом, вино в стаканах искрилось. Чокались, не соблюдая принципа четности. Голос тостирующего спикера звучал почти без официоза.

Кто в зрелом возрасте не может не давать советы? Таких мало найдется. Тем более, в южном городе. Тем более, после рюмочки. И не имеет значения, разбирается или не разбирается в обсуждаемом вопросе желающий дать совет, но дать совет он обязан. Причем не важно, оценят его или нет.

Спикер был неуправляем:

– Как видите, все уладилось, успокоилось, можно провести коллоквиум.

– Чего провести? – не мог успокоиться Федосеич.

– Коллоквиум – слово латинское, означает беседу, разговор.

Вот мы и поговорим о нашей уважаемой Анне Георгиевне.

Какой таксист не любит быстрой езды, нарушая все правила? Федосеич не стал исключением. Он не дал поминальному спикеру закончить фразу. Встав с поднятым стаканом, вежливо начал:

– Mille pardon, чёрт побери, господа! Позвольте нам, простым людям от баранки, пожелать, чтобы по дороге к Отцу нашему, когда Он призовет, Анне не мешали дорожные инспекторы.

Василий удивился:

– Ну, ты даешь, шашист. Какие там инспекторы? Они все в аду. А у Анны маршрут: земля – рай.

Таксист, названный «шашистом», обидчиво насупился:

– Ты мало с ними сталкивался. Полицейские инспекторы где угодно прячутся, хотя по закону не имеют права, но права потом качают, и четко знают, кого трогать чревато. Мы, таксисты, к таким не относимся. Потому мой тост справедливый.

– А что, Анна на такси в рай поедет? – продолжал подначивать Василий.

Спикер вспомнил о своих обязанностях:

– Предложение поступило, я поддерживаю уважаемого шашиста, тьфу, уважаемого господина таксиста. Он преду-

предил о возможных препятствиях в дороге, предупредил обоснованно, на основе личного опыта. Сколько лет за рулем, уважаемый?

– Через месяц тридцать будет.

– Слышите, тридцать! Месяц отбрасываем, как отпускной. Нельзя не считаться с таким опытом. Итак, за хорошую дорогу Анны Георгиевны, без излишних контролеров! Можно чокнуться.

Таксист, довольный признанием, снисходительно обратился к Василию:

– Ну что, Вася, вперед? – и чокнулся с ним. – Стоклеточные шашки не для тебя. Играй в простые.

Будущее Анны не могло оставить равнодушными соседок, а Прасковью плациндовну в особенности. Она немедленно повернулась к Федосеичу:

– Уважаемый, простите, мы не знакомы с вами. Как вас величать?

Непривыкший к подобному вниманию, он засмутился:

– Семен я.

– А по отчеству?

– Федосеевич.

– Так вот, скажу я всем вам, – она обвела взглядом сидящих за столом, – наш Семен Федосеевич, хотя не из муниципия, но прав. Дороги – дело серьезное, на них всякие встречаются. Хватает разных там. И инспекторов тоже. Сколько на ней ям больших и маленьких? И не везде дорога ровная.

Потому соглашусь с опытом Семена Федосеевича и добавлю пожелание Анне, чтобы ее не трясло по дороге. А с вами, Семен Федосеевич, хочу чокнуться. Я была на рынке, видела как вы подушку покупали. Сам большой, и голова у вас крупная, а взяли маленькую подушечку.

– А мне большая не нужна. У моей жены грудь восьмого размера.

Изяслав, хотя адвокатом не был, за словом в карман не лез, ни в свой, ни в чужой, пил мало, выглядел обиженным, но напомнил о себе:

– Вы меня снабженцем называете. Между тем, по-современному, мы все менеджеры и чем-то управляем.

Статистик играл роль резонера:

– Или делаем вид, что управляем.

Реакции не последовало. Изяслав продолжил:

– Каждый из нас в своих делах менеджер. Я – купипродай сантехнику, Анна – менеджер по квасу, уважаемый господин прокурор – по государственным законам, не менее уважаемый господин адвокат – тоже по законам, но с другой стороны. Наш ребе, да пусть он проживет 120 лет, говорит:

«На небесах тоже разделение. В чистилище, как в синагоге: мужчины и женщины отдельно.» Я его спросил: почему, грехи-то общие? Разве не так? Вы знаете, что он мне ответил? Так я вам объясню. Ребе сказал: «Я сам грешник, но Божьи заповеди чту. Так что и у меня самого разделение в голове». Давайте выпьем за батюшку, который поддержал Анну!

Представителей общества трезвости за столом не оказалось.

Мария, любительница прогнозов погоды, слушавшая их по всем радио и телеканалам, и далее прогнозировала сама, дополнила тему переселения в лучший мир:

– Но все равно в дорогу одеться нужно потеплее. Дабы не простыть. На голову – шапочку вязаную, на ноги – носки шерстяные. В рай больного могут не пустить, чтобы других не заразить. Тогда что делать? Возвращаться? Поздно. И где лечиться прикажите? Может, там полис не действует. Земли уже, – она развела руками, – а неба еще, – она свела руки, – и на том свете хочется жить здоровым.

Коллега Анны по работе, дожевав соленый огурец, начала размеренно:

– Послушала Семен Федосеевича и скажу, не стеснясь: я с ним согласна. Опыта нам не занимать, как-никак вместе с Анной больше четверти века в одном цеху водичку лили. Потому важно для Анны, чтобы начальник справедливый и добрый там оказался. Он психологический климат создает.

Но сомелье плацинд была начеку:

– Фрося, воды ты, конечно, налила немало, но, скажи, какой начальник в раю? Если там появятся начальники, то и раю конец.

Однако цеховой психолог замечания не восприняла:

– Для кого Фрося, а для кого Ефросиния Михайловна, между прочим. Ты, Парасковья, дальше своего забора не хо-

дила, видно. На работе как? Если начальник только гаркает, не понимает, когда потребовать, когда поблажку дать, добрые слова забыл, то с таким начальником работать не в дугу. Люди увольняться станут.

Молчавшая до сих пор соседка, сидевшая слева от сослуживицы Анны, очнулась:

– Какой начальник попадетсЯ, конечно, важно. О чём вы говорите, какие увольнения? В раю не работают, в аду – другое дело, даже черти трудятся, проверяют температуру в котле, управляют грешниками, но всё же главное – не то. Нам, женщинам, без мужика жизнь не в радость, одно бытие. Для укрепления семьи я бы установила нормативный минимум проживания в браке. И за его соблюдение доплачивать к пенсии, а при нарушении – снижать пенсию. Тогда супруги не раз подумали бы, прежде чем разводиться. Я думаю, – она показала пальцем на потолок, – правда, я там не была, но, уверена, и там тоже самое. Скажу по-культурянски: что за райская жизнь без хорошего мужика? Это не райская жизнь – одно безделье. Вот я и желаю Анне там найти такого мужика.

Ефросиния Михайловна перестала поглощать голубцы:

– Я тебя, соседка, конечно, уважаю. Ты легка на поману², но напомню ещё раз про забор, дальше которого ты не видишь. Не помнишь – в раю Анну ждет муж Дмитрий. Какая у них любовь была! А ты – мужичка искать.

² Помана (*скушмарийского*) – подарки в честь памяти упокоенного.

– Зря ты меня кособочишь, – пожаловалась левая соседка, – Анне легко, у нее только один Дмитрий и был, а мне каково? Трех мужей похоронила. В промежутке сколько мужиков, уже не упомню, но никого не обижала. Каждому говорила, что он у меня второй.

– А кто первый был?

– Военная тайна. Мы жили по соседству с воинской частью.

– Может, твой первенец – сын полка, – попытался смутить Изяслав.

– Возле нас стоял не полк, а бригада карабинеров, – уточнила левая соседка.

– А я вот всю жизнь одинока, – вздохнула соседка с права.

– Как одинока? – удивилась прогнозистка – у тебя же муж есть.

– Вот то-то и оно, только он и есть, – снова вздохнула правая соседка.

– Господь терпел и нам велел, – не согласилась Мария.

– Ему легко, он вечен, потому и терпелив. Я в зеркало посмотрю – сама себе противна. Уже все, и терпеть нечего, – и обратилась к Василию, – ты молодой ещё, не обижайся на старую. Вот по заграницам ездишь, тогда скажи, сколько можно с собой брать безпошлинно спиртного и сигарет?

Василий недоумевающе посмотрел на любопытную:

– В каждой стране по-разному. Вы куда ехать хотите?

– Я не о себе, я за Анну переживаю. Надоест ей сидеть в

сладком раю, захочется остренького попробовать, а как выйти? Вот тут бутылочки и сигареты пригодятся. Угостишь кого надо... и, я думаю, понятно.

Василий положил вилку, налил стакан вина:

– Конечно, вечное блаженство скучно, это уж точно. Но вы такое говорите. По-вашему, рай окружён государственной границей?

– Божественной – наверняка. Как же иначе. По вашему, заходи – не хочу? Зачем тогда ключник Пётр? Он не каждого пускает. Думаю, он не один, у него целая служба. Согласно положению и охраняет. Вот я сижу вахтёршей в общежитии по графику. Наш комендант строго следит, и мы тоже. Приведу случай. Сенька из сорок первой в прошлую пятницу с девчонкой пришёл, мне коробку конфет подарил, я по-культурянски пустила ее без документов. И там так же. Сладкое везде любят.

Василий махнул рукой, чокнулся с таксистом и выпил. Пенсионер Куку, пивший не больше Изюнчика-везунчика, проявил себя демократом:

– Говорят, смерть уравнивает. Отнюдь. Одни лежат в больших залах, гроб из красного дерева выносится под аплодисменты. Другого везут в гробу из некрашенных досок на повозке два вола или хромая лошадь. Поминок не могут устроить. Я уже молчу, кого на каком кладбище хоронят.

Федосеич решил подзавести бабуль:

– Небесная таможня, конечно, имеется, но мы не знаем,

какая там валюта. Значит, нужно золотишко брать. И декларацию о доходах не забыть. Ее будут учитывать при определении, куда тебе – в рай или в ад?

Бабули, уйдя на пенсию, осовременились:

– А в интернете найти и уточнить нельзя?

– Поискать-то можно, но доступ только по паролю. Где узнать пароль этот?

– На коротких волнах. Длинные волны туда не проходят, – объяснил пенсионер Куку.

– Я так думаю, – вдруг заявила левая соседка, – человек умрет, так он выше космонавта поднимется.

Никто не возражал. Все увлеклись едой. Беседа смолкла.

Ефросиния устала от плацинд и обратилась к Василию:

– Гроб у Аннушки твой?

– Мой без меня привезут. А что, этот не нравится? Консультант фирмы сказал: надёжный, с гарантией.

Ефросиния Михайловна покачала головой:

– Блестит слишком и необустроенный. Мне, пожалуйста, привезёшь с полочками.

Василий растерялся:

– Вы что, бабоньки, забыли, или уже перепробовали, – он показал на кувшин, – ведь гроб не имеет карманов? Вы ещё холодильник и микроволновку в гроб попросите.

– Не хозяйственный ты цветочек— Василёчик. Куда продукт на дорогу положить? Не голодать же между остановками?

– Ясно, насмотрелись вы ужасиков, тут без, – он вновь наполнил стаканы, – не разберёшься.

– Ты, Васику, не спеши. Напомню тебе. После кончины девятый день отмечаем? Остановка. Сороковой день отмечаем? Остановка. Потому в дорогу надо взять необходимое, пока на небесное довольствие не перейдёшь. Гроб, как и карман, запас не тянет. Я понимаю, в раю есть всё, но моих закуток там же нету.

– Я вам скажу из жизни, – не успокоилась Парасковья, – квасок Анны семейные отношения укрепляет. Вот, к примеру, Дорел привык к крошке и заме, что Санда делала ему на квасе. Поцапались они. Стал жить с Дориной, а та квас не признавала, вместо него у нее кефир. Дорел два месяца потерпел – и вернулся просить прощения.

Председатель коллоквиума поднял кружку:

– Давайте выпьем за наш век. Чего-чего, а кваса он заслужил.

– Это уж точно, – начал Василий, – век книги закончился, всюду идет век интернета.

– И диабета, – грустно вымолвил прокурор.

– Ничего страшного, – Василий добавил дозу оптимизма, – скоро найдут новые лекарства, век-то не пешком двигается, не вприпрыжку, а космической ракетой.

– И учиться не обязательно, – напомнил о себе грибник, – можно ничего не знать, а задавать в интернете вопросы – и будешь всезнайка.

– Точнее, ничегонезнайка, – узаконил прокурор.

– Мы живем в век всеобщего проникновения, – напомнил о себе Федосеич. – Вез однажды одного пассажира с раскосыми глазами, так он прямо заявил: «Живем в век двух пальцев!».

– Цифры используются – это хорошо, но трактовка загадочная, – засомневался статистик.

– Не спеши. Сейчас расшифрую, – горделиво продолжил Федосеич, – он мне объяснил так: «Увидишь чужую голую задницу, немедленно засунь в нее свой палец, а другой палец засунь в свою. Когда тебе захотят засунуть, там уже будет занято». Теперь понятно, уважаемый? – и километролюбитель победоносно хлопнул цифролюбца по плечу.

Спикер уловил: коллоквиум понесло не в ту степь, требуется его вмешательство:

– Дорогие поминальщики, оставим сии вопросы социальным психологам. Я предоставляю слово самому строгому члену стола, многоуважаемому Георгию Васильевичу, прокурору города.

Прокурор встал:

– Спасибо, любезный председатель, но ты перестарался. Здесь, за столом, неуважаемых нет. Замечу, даже депутаты – рабы Божии. Хотя разделяются на тех, кто верит, и тех, кто не верит во Всевышнего. Когда суд взвесит умершее сердце Анны на весах и уравновесит его добром, то, безусловно, отправит её в райские кущи. Но до суда надо еще дожить. Вы-

пьем за Анну Георгиевну! Пусть хранит ее Господь!

– Всех хранит Господь, – добавил въедливый статистик.

– А срок хранения устанавливает черт, – не удержался Изяслав, – но прокурора поддерживаю. Хотя верить в Бога после Холокоста трудно.

Поминальное застолье с каждым тостом становилось все более похожим на свадьбу. Спикер тоже разошелся и не мог оставить без комментариев последние слова прокурора:

– Твой вопрос, уважаемый прокурор, многоплановый. Небесный фараон строже закона. Сначала не забудем: мы все – будущие покойники. Из чего и давайте исходить. Нужны на поминках прения? Учёные признают открытие доказанным, лишь когда соблюдена чистота опыта.

– Какая чистота, не знаю, – вмешалась молчавшая до сих пор главная кухарка Лукерия, – но знаю: наша Зинка четвёртый раз девушкой замуж выходит в том же платье. И женихи не возмущаются.

Таксисту надоел холостой пробег:

– Mille pardon, я не учёный, я практик с многокилометровым зарубежным опытом. В Грузии, на сельской трассе, в горах, при появлении второй дороги, висит знак, изображающий два куриных яйца. Непонимающим объясняют: дорога раздвается.

Смех был ответом на анекдот. Спикер подхватил идею:

– В Библии замечено: познание умножает скорбь. Так зачем же её на поминках увеличивать? Вот так, уважаемый

Mille pardon! О покойнике мы истины не узнаем, услышим лишь часть правды.

Наблюдательный таксист уловил поворот в речи адвоката— депутата:

– Недругам покойника хулить его тоже не резон, он уже им не конкурент. А завидовать ушедшему из жизни... Mille pardon!

Василий поддержал таксиста-моралиста:

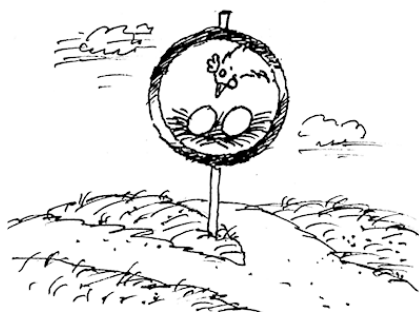
– У всех есть грязное бельё, стирать его при всех гигиенически вредно. А не знающий покойника вообще не имеет право вмешиваться, это уж точно. Я думаю, они просто пожмут плечами и выпьют поминальную рюмку. Надеюсь, наш прокурор не возражает?

Прокурор довольный тем, что к нему вернулось внимание, снова встал, как на судебном процессе, и законодательным голосом изрёк:

– Народ мудр, ещё в древности установил свой закон об отношении к покойнику: хорошо или ничего. Для лиха предназначены иные места, и поминают лихом в других случаях. Давайте выпьем, чтобы мы его поменьше и пореже знали. Оппоненты имеются?

Дружное чоканье подтвердило их отсутствие.

Пока гости Анны бражничали по вполне богоугодному поводу, ситуация с ее домом начала перетекать в иную плоскость.

10. Примэрочная

Помимо Анниного двора жизнь бурлила и в других местах города, особенно во властных.

Приход демократических времен в Кушмарию требовал переименований на западный манер. По утверждению политологов, специалистов такой профессии ранее пытались изображать лекторы из общества «Знание», это первый обязательный шаг к европейской цивилизации. Город Виноградск превратился в муниципий. Городские депутаты – в муниципальных советников. Исполнительный комитет столичного городского Совета народных депутатов трудящихся – в примэрию. А его председатель – в генерального примара муниципия. Хотя других примаров в ней не наблюдалось. Избирался он напрямую горожанами. Бывшие районные Со-

веты стали претурами, а их председатели – преторами. Тут первый приступ лихорадочной демократии закончился. Зато количественный рост чиновников не прекращался. Они раздобрели. Возрос их вес в обществе. По европейским меркам, в среднем на 12 английских фунтов или почти на треть русского пуда.

Генеральный примар подстать времени заботился о здоровье и укреплении связей в неофициальной обстановке на уровне фельдмаршала. Согласно трудовому графику в вечернюю пятницу уважаемые люди смывали недельные грехи в закрытом СПА. Так стали называть оздоровительный комплекс с тренажерным залом, бассейном и финской баней. Правительственный друг в раздевалке парной, вручив городскому хозяину тоненькую прозрачную папочку, усмехаясь, добавил:

«Внедривший первый, бедней не станет!». Название оставило снятие второго туфля. Градоначальник принялся читать.

Премьер-министру Республики Кушмария

**Докладная
к Проекту: «О введении единовзяточничества
в Кушмарии»**

Дай, Джим, на счастье в лапу мне.

НАЗРЕЛО

Появление Проекта обусловили три актуальности и

одна злободневность.

Первая актуальность – принципиальная. Есть дела за взятку нерешаемые. Их можно решить за большую взятку. Поэтому взятки – не прихоть, а дрожжи рыночной экономики.

Вторая актуальность – тактическая. Во взяточном деле все смешалось. Разнообразие породило раздраз. Несут черт знает что. Никакого порядку. Лишь бы дать и получить. О добропорядочности, солидности и не задумываются. Молодые сердца не заполняют. Университеты и академии взяточничество как науку не преподают и не исследуют. Министерство не контролирует. Получается, никакой логики, одна импровизация. Возникают недопустимые случаи. Несут не в той валюте. Без учета курса. Размеры не унифицированы. Позволяют себе до обидного смешные суммы в мелких купюрах.

О здоровье руководства не помышляют. К примеру: начальник пост соблюдает, а ему поросенка презентуют. Другому шефу белого барана на веревочке привели. Кто шашлык без вина ест – а тут доктор квартальное табу на алкоголь наложил. И какой баран ждать будет? Или замученному диабетiku вручают трехэтажный торт.

Об иных подношениях стыдно и вспоминать. Наивная бабуся презентует на приеме министру связанные ею шерстяные носки для его внука, у которого яхта на Канарах стоит. Ему как раз только шерстяных носочков не хватает. Директору департамента экспортных квот на алкоголь вручают

ключи от Калины, когда он на служебном мерседесе ездит, а на даче джип-лексус пылится.

Третья актуальность – стратегическая. В условиях возрастания глобализации и диабетизации, конкуренции и сексинтервенции, углубления нанопроникновения и идейного сомнения для недопущения раздвоения страны требуется современная парадигма. Значит, без Проекта единовзяточничества не обойтись.

Злободневность Проекта определяется партийным многообразием. Будь нынешняя ситуация четверть века ранее, состоялся бы Пленум ЦК любимой народом партии с повесткой дня «О повышении эффективности во взятоотношениях». Затем постановление Пленума одобрили бы широкие массы рядовых партийцев, трудящихся – и решения пошли бы в жизнь. А сейчас партийные разборки загубят дело, которое не ждет.

КОНЦЕПТУАЛЬНО

Проект требует твердой дисциплины. Его дрожжевая сила зависит от нахождения оптимального соотношения величин цели и подношения. Взятки изменяют манеру поведения пресмыкающихся и пресмыкающихся. Уж, вдохнув у болота, не извиваясь, ползет по прямой. Депутат после взятки голосует душой.

Пускать на самотек теоретическую подготовку будущего поколения – непростительно легкомысленно. Начинать ее нужно в школах, продолжать – на

всех уровнях последующих форм образования и повышения квалификации. Лишь негосударственный человек позволит себе возражать против установления в прессе и интернете мониторинга – координатора. Дабы истинный патриот народной экономики не спрашивал лишний раз: «За что и кому?», а только уточнял:

«Когда и сколько?» И – не вручал в праздничные дни и памятные даты, когда подношения милостиво принимаются как традиционные, что ослабляет их влияние.

В некоторых организациях вывешивают загадочные объявления:

«Здесь взятки не берут». Избиратель имеет право знать: сколько не берут? И где – берут?

МОРАЛЬНО

Планетарные ресурсы ограничены. Научный подход предполагает разработку и внедрение государственных стандартов. Люди не должны ни переплачивать, ни недоплачивать. Поскольку налоги – это плата за цивилизацию и без них – ни-ни. Взятки должны проходить по статье «спонсорство». Это придаст дополнительную привлекательность Проекту.

При создании религии в числе семи смертных грехов взятки не названы. В наступившем веке наибольшим грехом считается честность. Значит, для укрепления иммунитета и имиджа требуется учредить почетные звания «Народный взяткадатель» и «Заслуженный

взяткабратель», с одноименными медалями. Вручать их в профессиональный праздник, носить на левой стороне груди после ордена Дружбы народов. Награждаемым выдавать надбавки к пенсиям бонусными талонами на лекарства и похороны.

ДЕМОКРАТИЧНО

Проекту соответствует лозунг, провозглашенный Французской революцией и определивший принципы демократии. Ибо налицо: СВО- БОДА – хочешь бери, если дают, хочешь давай, если есть что и за что; РАВЕНСТВО – равные взятки уравнивают перед законом; БРАТСТВО – все участники процесса братаны и могут меняться местами.

Особо подчеркнем и не забудем. Хотя статьи революционного лозунга вошли в утвержденную ООН, «Всеобщую декларацию прав человека» и названы естественными правами человека, жизнь превратила их в обязанности. Посему пересчитывайте – до, чокайтесь – после. Цивилизованный современный человек не выпьет неналиваемого, и не возьмет недаваемого.

КОНСТИТУЦИОННО

Негоже бросаться в крайности, как некоторые наши предки. Они взятки не давали, только брали. Современная безналичная форма в расчетах обеспечит любимую народом транспарентность. И не нужно умничать. Человек, не берущий взятку, не достоин ее. За правильные взятки бюрократия начнет бороться

с коррупцией, так как ее беспокоит не коррупция, а неучастие в ней. Разве не читали: горе от ума, а не от глупости. Довести дело надо до полной учености. Астрономы доказали: Вселенная расширяется. Взятки – не что иное как движение материи, естественный закон природы. После ратификации и промульгации Проекта право на взятку должно войти в главный Закон страны, то есть стать конституционным! И тогда ЕС, США и Россия с их санкциями отдыхают.

Дочитав, примар с удовольствием воскликнул:

– Помощник – поклонник поэта, молодец, – и хлопнул в ладоши, надел первый туфель, позвонил секретарю и уехал. В приемной ждали замы. Не раздеваясь, поручил секретарю сделать три копии, вручил замам и пригласил в кабинет. Градоначальник как личность творческая расхлябанности не терпел. Свой аппарат, как его горожане называли «прим-эрозная», держал по линейке.

– Уважаемые господа, диалектика учит: противоположности сходятся. Наши верхи это поняли и убедились. Деньги, выделенные зарубежными партнерами на борьбу с коррупцией, разворовали, и ждать больше нечего. Если не можем остановить или повернуть течение, надо плыть по нему. В результате в правительстве задумывается особый проект. Он – у вас. Изучите, вдохновитесь – и вперед, к народу.

Мы не можем здесь отставать от правительства и его министерств. Это наш долг чести. Наша деятельность крайне нужна людям, и скупиться они не должны, а главный прин-

цип деятельности государственных служб в рыночной экономике отражает морская волна: накат – откат.

Первый зам, который смеялся смешнее, чем шутил, за что его дополнительно уважали, откликнулся, как и полагается по должности, первым.

– Вы правы, но как? У них откаты так откаты. Волны ого-го, от государства! А у нас – лёгкая рябь от некоторых посетителей.

Рядовые замы в знак солидарности закивали, с тоской посмотрев на шефа. И он оправдал свое генеральское звание.

– Разве у нас ситуация, когда гаишник на гаишнике ни дать ни взять?

– Ни в коем случае, – хором воскликнули сообразительные заместители, – мы коррупционеров не допустим!

– Правильно, – заявил довольный генеральный примар, – сами справимся, земля-то муниципальная, то есть наша, как-никак мы ближе к массам. А министерства от них оторваны. К нам чаще обращаются не только простые люди, но и предприниматели, причем не только малые. Значит, по диалектике, – шеф был сторонником Гегеля и творчески его развивал, – качество наших услуг перейдет в количество, – шеф потер пальцами, – потому для начала призовем в помощь организационную науку и поставим процесс на научные рельефы, создадим систему. Мы единомышленники – это хорошо, но мало. Мне нужны и мыслящие сотрудники. Объясню. В армии – уставы, у нас – инструкции, которые, однако, тему не

закрывают. Необходимы новые памятки. Поручаю их разработать. Берите в руки карандаш, мы начинаем конкурс наш.

Утверждают, что поэт Сергей Есенин из крестьян, но кто-то из предков наверняка во власти служил, потому поэт его душу понял: Дай, Джим, на счастье в лапу мне. Так что записывайте. Ты, – мэр обратился к заместителю по кадрам, – пишешь памятку для берущих взятки. – Ты, – примар посмотрел на зама по культуре, – для дающих взятки, ты, – шеф придал голосу больше строгости, – дорогой мой первый заместитель, – памятку, полезную первым и вторым. Думаю, для начала по двенадцать советов в каждой памятке, как число месяцев в году, будет достаточно. Но указать так, чтобы не искать истины между строк. Учтите и моральный фактор. Хватит бедствовать. Хочу подчеркнуть, что ваши рекомендации – лишь начальные по данной теме. Жизнь подкорректирует. Например, советы, как органы власти переименовали. Даю неделю. Я уезжаю на саммит мэров столиц стран СНГ. По приезде доложите. В очередной понедельник, в 10.00, и никаких двойных стандартов. Все должно быть просто, как мыльница. Бюджет не ждет. Или у нас принцы датские служат? Что-то я Гамлетов не видел. Был бы хоть один, наверняка произнес бы: «Эх, была не была!». Мы все в университетах марксизма-ленинизма учились, и помните, вождь пролетарской революции учил: «Все брать. Банки, почту, мосты», но мост брать не будем, он у нас один, и закон о монополии нарушать нельзя. Уяснили?

Понятливые исполнители наклонили головы. Выйдя из кабинета, кадровый зам, который, делая комплименты, никогда не ошибался, удовлетворенно посмотрел на коллег:

– Наш шеф кого хочешь уговорит.

– Верно, – отозвался культурный зам, – у него десятилетний коньяк трех дней не выдерживает, поддается на уговоры.

Коллеги понимающе рассмеялись.

...Командировка примара затянулась: грузинское гостеприимство усилилось тем, что мэр города, он же хозяин форума, оказался сокурсником примара Виноградска. Реваз, так звали тбилисского коллегу, твердо заявил:

– Остаешься личным гостем еще на 3 дня.

Помог домашний опыт, и восточный банкет примара Виноградска «не переехал». Вернулся он с мешками под глазами, но довольный. Вручив жене и детям подарки, лег отсыпаться. На следующий день, как обычно, еще до восьми утра воодушевленный вошел в кабинет. Через полчаса его приветствовала секретарь. Вручив ей грузинский сувенир, мэр попросил вызвать замов.

Градоначальник начал совещание традиционной благодушной фразой:

– Ну мэряне, чем обрадуете, чем огорчите?

Зная характер шефа, весьма эмоционально реагирующего на плохие новости, в первый день его никто огорчать не захотел. Отделались общими сообщениями. Только завканцелярией решила обрадовать:

– Господин генеральный примар, новый начальник департамента контроля впервые добился своевременного выполнения всех ваших резолюций.

Примар удивился:

– Так уж и всех?

– Да, господин примар.

Тот посмотрел по очереди на заместителей:

– Он нормальный?

Первый заместитель пожал плечами:

– С избытком. Извините шеф, что с такого взять? Остальные замы кивнули.

– Интересно. Мария, вызовите его ко мне.

После того, как она аккуратно прикрыла за собой дверь, примар строго посмотрел на оставшихся:

– Памятки готовы?

Замы молча положили перед ним свои папки. Примар посмотрел на первого зама:

– Кстати, рецензию у своего верного нэнаша³ догадался взять? Он у тебя, как-никак, восемь лет в Высшей судебной палате и четыре года в Конституционном суде заседал.

Тот встал:

– Одобрил и подчеркнул: «Верно, равные взятки создают равенство перед законом».

– Чувствуется, что настоящий адмирал юстиции.

Генеральный примар знал, что тот служил на флоте.

³ Нэнаш (с кушмарийского) – посаженный отец.

Полистав записки, он завершил:

– Правильно, у тебя 12, у тебя 12, а у тебя, – примар усмехнулся, – побольше, ну, конечно, ты же первый заместитель, по-другому и не мог. Задание правильно поняли. Впервые не пришлось напоминать и подталкивать. Почитаю, оценю. Соберемся и утвердим. Свободны.

Через десять минут в кабинет вошел подтянутый мужчина твердых зрелых лет, с красной папкой, облаченный в военный китель без погон:

– Здравия желаю, господин генеральный примар! С добрым возвращением!

– Ты сидеть не привык, потому не предлагаю. Тут доложили о твоих подвигах, поделись, не скромничай. Как ты сумел добиться выполнения всех резолюций?

– Первым делом – рассортировал почту: по срокам и по цвету, согласно вашей резолюции.

– Кто надоемил?

– Никто, сам сообразил, потребовал твердого выполнения без оговорок. Например, цвет красный – значит, очень важно, выполнять немедленно, и так далее. А на вопрос «А как?», – объяснял: меня не спрашивайте, ваших тонкостей не знаю и знать не хочу. Выполняйте.

– Ты по гороскопу кто?

– Лев, господин генеральный примар.

– Разве царь зверей боится красного цвета и реагирует на него, как бык?

– Виноват, господин генеральный примар, не понял?

– Запомни: хочешь жить – умей втереться, чем меньше видишь, тем дольше смотришь. Красный цвет резолюции – лишь знак опасности возможного легковесного решения, и не более. Открой свою папку, первое заявление чье?

– От Цуркана, о расширении офиса.

– Какая резолюция?

– Красным фломастером: удовлетворить.

– Точка стоит после резолюции?

– Никак нет. Подпись ваша есть, точки не вижу.

– Запомни, когда точки нет, значит?.. – примар сделал паузу.

– Значит, вопрос не закрывать.

– Молодец, догадался. На будущее: на цвета и слова резолюции не реагируй, главное – точка. Уяснил? Если бы знаки препинания имели титулы, то точку величали бы Ваше Величество.

– А вас Ваше Высочество, господин генеральный примар.

– Как со взятками, берешь?

– Неохотно, на мизере в преферансе.

– Как на секс смотришь?

– У меня из половых органов только глаза реагируют.

– Как ими смотреть, понял?

– Так точно.

– Молодец. Иди.

11. Что читал генеральный примар

Нажав кнопку селектора, городской голова отрывисто бросил: «Как обычно».

Через пять минут вошла секретарь с подносом, поставила на стол пиалу зеленого чая, вазочку с сухариками и очищенными грецкими орехами. Хозяин кабинета кивком поблагодарил, указав пальцем на дверь, снял пиджак и скрестил руки. Достав из внутреннего кармана золотой «паркер», воодушевил себя: «Посмотрим на творческие способности моих бюрократов». Однако золотое перо осталось безработным. Запев начала черная папка кадровика.

Первые 12 советов берущему взятку:

- ◆ Повесь в кабинете фото пчелы.
- ◆ Не умеешь брать – не иди в чиновники.

◆ Научись одалживать и забывать. Память – изобретение дьявола.

◆ Не бери в падающей валюте, сверяйся с курсом Национального банка.

◆ Заботься о технике безопасности. Сопоставь крышу дающего со своей крышей.

◆ Укрепляй законность: не забывай полицию, прокуратуру, суд.

◆ Успокой совесть. Рассматривай взятку как подарок не из кармана, а от души.

◆ Будь уверен, что беря, ты проверяешь целесообразность дела.

◆ Уведомь, что не берешь, и уточни сразу, сколько не берёшь.

◆ Запомни: взятка – единственный вечный двигатель.

◆ После ста взяток создай благотворительный фонд, стань его президентом. Потребность во взятках уменьшится.

◆ *Чтобы избежать ОМОНа,*

Помни принцип Соломона:

Либо вовсе не бери,

Либо – больше миллиона.

Не зря сидит на кадрах, но филолог есть филолог, – усмехнулся генеральный примар, – чувствуется, что студентом посещал литобъединение, без стихов обойтись не смог. Однако прав: без соблюдения принципа Соломона окажешься охла-

моном. Теперь поглядим на художества культуролога.

Первые 12 советов дающему взятки:

- ◆ Давай лишь тогда, когда не давать нельзя.
 - ◆ Чувствуй себя щедрым: считай, что даешь милостыню.
 - ◆ Улыбайся берущему открыто, смейся над собою в душе.
 - ◆ Ничто не обходится так дешево и не ценится так дорого, как вовремя и вежливо врученный конверт.
 - ◆ Взятка обезоруживает, как принцип дзюдо: поддайся, потом победи.
 - ◆ Давая в высоком здании, не перепутай этажи.
 - ◆ В одном кармане держи дулю, в другом – конверт с долларами, и у тебя появится свобода выбора.
 - ◆ Успокойся: и у берущих болят зубы.
 - ◆ Как без взятки отличил бы ты честного человека и узнал, чего он стоит?
 - ◆ Перед вручением уточни: тому ли даешь?
 - ◆ Конверт для своего начальника – не взятка, а твоя служебная обязанность. У него тоже есть начальники.
 - ◆ Не можешь подмазать? Вымажи!
- Культура не помешала, болтуном не оказался, – мэр глотнул чаю, – умеет убеждать. Ну, а теперь слово первому заму, – и он открыл зеленую папку.

Первые общие советы дающим и берущим взятки:

◆ Пересчитывай!

◆ Помни: начав три дела, трудно закончить: брать, давать и отмечать с бутылкой действие в обоих случаях.

◆ Не спрашивай: сколько брать? Придется делиться.

◆ Не спрашивай: сколько давать? Придется сумму увеличивать.

◆ Не хочешь давать – бери.

◆ Не хочешь брать – давай.

◆ Дающий – пригласи взяточника в казино, и узнаешь его цену.

◆ Берущий – сходи в казино, и узнаешь возможности дающего.

◆ Если на двери прочтешь табличку «Здесь взятки не берут», выясни: «А где берут»?

◆ Стесняющегося брать поздравь с днем ангела и пожертвуй на икону. Берущий – возьми и перекрестись.

- ◆ Учись у сантехника: он взяток не берет, а затыкает ими течь.
- ◆ Взятки не греют, они согревают душу.
- ◆ Не задавайся философским вопросом: «Что приятнее – давать или получать?»
- ◆ И берущий дает, и дающий берет. Земля по-прежнему круглая.
- ◆ Если говорят «не в коня корм», это значит, что дал не тому или взял не у того.
- ◆ Если взятки – зло, то берущему и дающему справедливо полагается надбавка за вредность.
- ◆ Взятка – лучший арбитр, оценивающий дающего и берущего.
- ◆ И еще раз пересчитывай!

– Ну что ж, хоть и больше заданного, но по существу. Молодцы! Обошлись без хитростей, – переворачивая последнюю страницу и кладя ее в папку, примар резюмировал: заслуженно сидят руководителями.

На планерке градоначальник традиционно выглядел как памятник самому себе, не разглагольствовал:

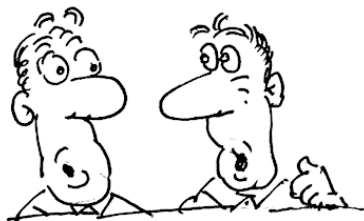
– Задание поняли. Поработали достойно. Теоретическую базу под практическое дело подвели. Утверждаю. Через квартал сравним результаты. Одну поправку назову. Надо подчеркнуть: для имеющих двойное гражданство главное не перепутать интересы какой страны в каждом контракте они

представляют. Патриотизмом пренебрегать нельзя.

Внедрение проекта началось без оркестра и шествия со знамёнами, самодеятельность прекратилась. Бывший само-тек плавно влился в канал со шлюзами.

12. Удивления

Сумки, взятые во дворе Анны, за крышкой гроба, достигли адресатов быстро. Получатели были разные, но их реакция на полученное оказалась схожей.

На винзаводе удивились первыми. На принесенной листовке над фото депутата красовалась надпись: «Ваш выбор верен. Мы приносим истину».

– Кто переделал заказ? Но решение оригинальное, – главный инженер взирает на листовку с веселым интересом, – по крайней мере, нашу крышу будут знать все. Теперь замечания. Пропущено название «Наш сокол», отсутствует исходный градус крепости, исправьте, – и передал пачку начальнику отдела маркетинга.

В офисе законодателя среагировали не сразу. Начальник штаба, рассматривая принесенную листовку, почесал затылок и обратился к заместителю:

– Уважаемый, ты с головой сегодня дружишь?

– Более того, я с ней сплю. Но сегодня у нас временные разногласия. Одна половина хочет пива, а вторая – спать.

– Это нормально. Посмотри, что принесли? – и начштаба протянул этикетку.

– А что, название листка «Наш Сокол» и подзаголовок хорош: «Каждый глоток дает жизни ток». Интересно будет смотреться и колеретка с логотипом партии. Утверждайте, не прогадаете!

Весьма удивились и в мэрии утреннему выпуску газеты «Капитал».

Помощник примара, в обязанности которого входило читать прессу перед докладом шефу, почесал за ухом. Примар, всегда хваливший эту газету, никогда не отказывал ее корреспондентам в интервью. А тут? На последней, всегда читаемой странице, взывало большое фото дома Анны, с крышкой гроба у дверей и поднявшего морду Кагора, смотрящего на прокурора и депутата. Помощник решил с сообщением не спешить: сначала надо разобраться.

Не меньше недоумевал и начальник Главного управления архитектуры, проектирования и внедрения. Лишь вчера он дал разрешение на пристройку к балкону дома главного редактора газеты и не мог понять причины неблагодарности. Он вызвал своего заместителя и, не предлагая сесть (такой прием он позаимствовал у генерального примара, что свидетельствовало о крайней степени раздражения), ткнул паль-

цем в лежащую на столе газету «Капитал»:

– Видел?

– Мне не до сплетен, – пожаловался зам, – снег сошел, дороги, вы видите, требуют снова ремонта, а деньги на него растаяли вместе со снегом. Финансовое управление не хочет войти в положение.

Шеф на комментарии не среагировал:

– Я подчеркивал неоднократно: игнорируя прессу, мы ослабляем себя. С четвертой властью надо дружить, тем более перед выборами. Завтра на планерке доложишь. Узнай, чей интерес?

Дальнейшие указания прервал звонок оранжевого прямого телефона. Хозяин кабинета взял трубку, другой рукой остановил зама:

– Понял, господин помощник. Завтра перед планеркой доложу, чем вызвана публикация, – положил трубку, – ясно, кто звонил? Не завтра, а сегодня, в 17.00, доложишь мне.

Газета с заголовками без текста привлекла внимание не только руководителей главка. Два инспектора отдела внедрения, просмотрев почту, среди которой были и газеты, обменявшись взглядами, вышли. В курительной комнате спокойно задымили. Лица коллег были похожи на два воздушных шарика. Только один надутый – Ионел, среднего роста, лысыватый, с небольшим брюшком, а второй, спущенный, – Аркадий, высокий, кучерявый, худой, с университетским значком на лацкане пиджака:

– Что скажешь? – начал Аркадий.

– Удивлен. Я посмотрел генеральный план города. Этот квартал с бабушкиным домом сносу не подлежит. Газетные заголовки – провокация. Грохот на ровном месте.

Ионел берег оставшиеся на голове волосы и начал их поглаживать правой ладонью:

– Но раз шум возник, значит, это отклик на чей-то интерес. Причем, заметь, вне наших стен и не по нашей инициативе, грех его не использовать.

Аркадий почему-то оглянулся, хотя в комнате, кроме них, никого не было:

– А кто спорит? Сложность в том, что шефы уже в курсе.

– Но детали у нас, а они определяют начальную цену, – Ионел продолжал волосяную глажку, – яйца курицу не учат, яйца курицу несут. Ответ в редакцию готовить нам. Я съезжу на место происшествия за достоверной информацией, ты ее учтешь, обобщишь. Нашу справку, не дожидаясь поручения, отдашь начальству. Понял? – Ион кивнул. – А параллельно, чтобы не терять темпа, – Аркадий снова оглянулся, – я думаю, нужен Фома-маклер.

Тут в курилку вошли сотрудник из соседнего отдела с мужчиной в вельветовом пиджаке. Пиджак говорил с такой скоростью, что недостатков в дикции не замечалось. При этом слова опережали смысл: сказал, а мысль уже ушла. Шарик сразу вспомнили об успехах на Евровидении кушмарьского ансамбля с бабушкиным барабаном, оценили его даль-

нейшую перспективу и радостно направились увеличивать свой вклад в благополучие жителей столицы.

Выйдя, Ионел кивнул в сторону курилки:

– С кем это Нику?

– Старший менеджер фитнес-клуба. Был танцором, теперь, мягко выражаясь, бизнес-леди, – и засмеялся.

На этот раз генеральный примар узнал о публикации в «Капитале» самостоятельно. Вдоль боковой стороны здания примэрии образовалась аллея транспарентности, как ее называли в новые времена: это были выстроенные в ряд газетные витрины. Иногда мэр прохаживался по аллее, и тогда его обязательно замечал какой-нибудь корреспондент, фотографировал и задавал традиционный вопрос: «Что сегодня в газетной прессе больше всего привлекло внимание городского головы?». На этот раз примар назвал газету «Капитал», которая своевременно обратила внимание на заботы простых тружеников. Войдя в свой кабинет, он немедленно вызвал первого зама:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.